

Невеста Черного Ворона

Автор:

Екатерина Бакулина

Невеста Черного Ворона

Екатерина Бакулина

Хиты Рунета

Я должна стать женой узурпатора. Он пришел с войной в мой дом, отнял все, что было мне дорого, его войско заняло город. Он кровожадное чудовище, убийца, и я ненавижу его. Я нужна ему как трофей, как принцесса, последняя в роду, с моей помощью он собирается укрепить свою власть. Я готова убить его. Но глядя в его глаза, я вижу мальчика, которого знала когда-то, лучшего друга детства, почти брата. И мое сердце разрывается...

Екатерина Бакулина

Невеста Черного Ворона

© Бакулина Е., текст

© ООО «Издательство АСТ»

Глава 1

Если он войдет сюда... если хоть кто-то войдет – я брошусь в окно.

Высоко, аж кружится голова.

Небесная Мать, спаси меня!

Если он войдет...

Внизу еще идет битва. Мне страшно. Небесная Мать, как мне страшно! Окно башни выходит в сторону сада, но даже отсюда я вижу убитых. Наших защитников. Воинов, защищавших меня и брата, наш замок. Мой брат... Я не знаю даже, жив ли Хаддин. Я убежала, а он остался. Хаддин король, он не мог убежать. Хаддин сказал – ему нечего бояться. Мне казалось, он сошел с ума. Эта война, осада помutilи его разум. Я помню лихорадочный блеск в его глазах. «Он не сможет меня убить, – шептал Хаддин. – Не сможет! У него ничего не выйдет! Пусть только сунется, и я сам убью его!» Но Хаддин остался там. Если воины Эрнана захватили замок, то убили его.

Я боюсь. Спаси меня, Небесная Мать!

Я слышу шум внизу. На лестнице. Кто-то идет. Кто-то с хрустом и лязгом продирается по узкому тайному ходу в стене, протискивается, цепляясь доспехами. Там и мне-то было тесно, а уж ему... Ругается. Я даже не могу понять, его ли это голос.

Если он войдет...

Небесная Мать, лишь бы это был он!

Эрнан. Только бы он. Если это кто-то из его людей, кто-то из этих ужасных диких варваров из Лохленна, я не выдержу. Как мне быть тогда? Я брошусь в окно. Если только он прикоснется ко мне...

Я боюсь.

Если это он...

– Тиль! – слышу я. – Тиль, ты здесь?!

И меня начинает трясти с удвоенной силой. И слезы льются из глаз. Сердце колотится так громко, что я почти ничего не слышу и ничего не вижу от слез.

– Тиль!

Нет!

Я не пойду с ним.

Но он не оставит меня в покое. Он пришел за мной. Вчера у подъемного моста он обещал Хаддину взять замок и меня тоже. Я нужна ему как трофеем.

Я стояла тогда на стене, высоко, но я видела.

Видела, как Эрнан подошел к самым воротам без оружия. Снял шлем, тряхнул головой. Он стоял и ждал, когда Хаддин выйдет к нему. А Хаддин все не выходил. Хаддин собирался, он пошел... но я не видела его, не знала, что происходит.

– Убирайся прочь! – услышала я голос Хаддина. – Ты взял город, но замок тебе не взять! Еще никто не брал Облачную Нит! Кому, как не тебе, знать это! Убирайся, ублюдок!

Я не видела брата. Думаю, он стоял в проеме ворот или совсем близко к стене.

– Я возьму замок завтра к вечеру, – спокойно сказал Эрнан. Я не могла толком разглядеть его лица, слишком далеко, но я отчетливо слышала голос, спокойный и ровный. Уверенный, что так и будет. – Возьму замок, выпущу тебе кишки и повешу на них, а потом оттрахаю твою сестру. Я получу все, что хотел. Завтра вечером я буду пировать в Небесном Чертоге. Но если ты откроешь ворота, то умрешь быстро. А твои люди смогут уйти живыми. Я отпущу их. Решай.

Хаддин ответил не сразу.

– Подойди, – наконец велел он, его голос нервно дрогнул. – Подойди сюда.

Эрнан засмеялся.

– Трус! Подойди сам. Нечего прятаться за решеткой. Или говори так, пусть твои люди все слышат!

– Подойди!

– Хорошо, – согласился Эрнан. Он подошел к воротам, теперь я не видела и его тоже.

Я не слышала, что Хаддин говорил ему. Мне показалось, прошла целая вечность.

– Сукин сын! – услышала я. Увидела, как Эрнан поворачивается и идет прочь широким размашистым шагом. – Как ты можешь? Она твоя сестра!

Я видела, как он сплевывает в сторону, надевает шлем.

– Приготовиться к бою! – командует своим.

– Стреляйте! – орет Хаддин. – Убейте его!

Но никто не стреляет Эрнану в спину.

– Стреляйте! Иначе вас всех повесят!

Несколько неуверенных стрел срываются и летят, но ни одна не достигает цели.

Говорят, Эрнан неуязвим, его охраняет магия или даже боги. Никто не в силах убить его.

Я ненавижу его. Я сама готова убить.

Что мне делать? Он совсем рядом.

Я слышу шаги.

– Тиль, ты здесь? Не бойся, я не трону тебя!

Рядом.

К горлу подкатывает тошнота.

К окну...

Я смотрю вниз, и темнеет в глазах. Спаси меня, Небесная Мать. Я не хочу умирать, но выхода нет. Лучше умереть, чем так... Я сейчас прыгну. Я не хочу...

Рядом.

Он дергает дверь. Потом бьет.

Я заперла на засов, и дверь не поддается. Тяжелая, дубовая дверь. Но еще немного, и он сломает ее. И тогда уже все...

– Тиль, открой!

Я не узнаю его голос – глухой и низкий, но я узнаю то, как он произносит это: «Тиль!» И только он зовет меня так. Не Луцилия, а как в детстве.

– Не подходи! – пытаюсь крикнуть я, но голос не слышится, выходит едва слышно, почти шепотом. – Не подходи, или я прыгну!

Он не слышит.

Я сама едва слышу.

И снова удар в дверь. И еще. Дверь трясется и трещит.

У меня подгибаются ноги. Я сползаю по стене на пол, сажусь, обхватываю колени руками. Я зажмуриваю глаза. Спаси меня, Небесная Мать! Лучше умереть.

Я слышу, как трещит дверь.

Еще немного...

Боги! Скорей бы уж! Я не могу!

– Тиль!

Еще удар, и дверь ломается пополам, с грохотом падает на пол. Летят щепки.

Он стоит на пороге.

В первое мгновение мне кажется – я ошиблась, это не он. Вчера со стены я не могла рассмотреть. Он так изменился. Последний раз вблизи я видела его восемь лет назад, ему было четырнадцать, он был худым и длинным нескладным мальчишкой, огромные серые глаза, непослушные кольца черных волос... я... нет, он был мне как брат.

Сейчас передо мной стоял взрослый мужчина. Он выглядел даже старше Хаддина, хотя, наверно, это просто усталость, две недели непрерывных боев. Черных кудрей больше нет, волосы пострижены по-военному коротко, черная щетина на подбородке, по лицу, по доспехам размазана кровь. Только глаза...

– Тиль... – он тяжело дышит.

Он тоже не видел меня эти восемь лет. Мне было девять. Сейчас, наверно, совсем не узнать.

Что теперь?

Он осторожно делает шаг вперед, и я почти вжимаюсь в стену. Мне страшно.

Как же вышло все это?

– Не бойся, Тиль, – тихо, чуть хрипло говорит он, – я ничего не сделаю тебе.

Он поднимает руки ладонями вперед, чуть разводит в стороны, словно показывая, что в руках ничего нет, он не желает мне зла...

И тут я вижу кольцо.

Вскрикиваю, вскакиваю на ноги.

– Нет! – в ужасе всхлипываю я.

Он не понимает.

– Не бойся, я...

– Кольцо! У тебя кольцо Хаддина! Что ты сделал с ним?!

Он опускает руки. Хмурится, облизывает губы. Зажмуривается на мгновение.

– Я убил его, – говорит, наконец.

Я знала. Знала это с самого начала. Земля качается и уходит из-под ног, все кружится.

Только не так.

Рушится мир... Хаддин! Эрнан, нет!

Отступаю назад.

– Не подходи, – говорю я. – Уходи. Если ты сделаешь хоть шаг, я прыгну в окно!

– Не говори глупости, Тиль. Если я уйду, то что будет? Ты останешься здесь одна? И что потом? Замок уже мой. Кого мне прислать за тобой?

У меня нет выхода.

Мне так плохо, так страшно, что я уже не понимаю ничего, все плывет. В глазах совсем темно. Нет выхода. Прости меня, Небесная Мать... Один маленький шаг в сторону, и за моей спиной проем окна. Я чуть приподнимаюсь, сажусь на край. Теперь стоит лишь отклониться назад.

Эрнан стоит у дверей. Нарин. Он всегда был Нарин для меня, как в детстве.

Я вижу панику в его глазах.

– Не надо, Тиль, – тихо говорит он. – Не надо, прошу тебя.

Я вижу, он готов броситься ко мне. За мной.

Он не успеет.

Все это происходит не на самом деле, я не верю... Это сон.

Мой Нарин не сделал бы такого, он не убийца.

– Нет, Тиль!

Я не смогу так жить.

Я наклоняюсь назад.

И падаю в бездну. Словно во сне. Я лечу. Целую вечность. Уже не страшно... Я словно в облаках... Небесная Мать...

И вдруг удар в плечо, так сильно и больно, что я кричу. И реальность возвращается.

Я вишу над пропастью. Вниз головой. Эрнан успел схватить меня за платье. Он держит крепко, но платье уже трещит. Сейчас ткань лопнет, и я...

– Давай руку! Скорей! – кричит он.

Одной рукой он держит за платье, другую протягивает мне. Он высунулся в окно так сильно, что даже не представляю, как держится сам. Еще немного, и мы упадем вместе. Он рычит сквозь зубы.

– Руку! Давай!

Я не хочу... лучше умереть.

– Нет! – кричу я. – Отпусти меня!

– Дура! Я скорее прыгну вместе с тобой!

– Я ненавижу тебя!

Он ругается, рычит.

И каким-то невероятным рывком вытаскивает меня, перехватывает за платье, за плечо, потом за шиворот, за волосы, вытягивает, я слышу треск... и вместе мы падаем на пол.

Он все еще держит меня. Обнимает, вцепившись крепко, словно все еще боясь, что я упаду. Я чувствую его колючую шершавую щеку у своей щеки, его дыхание. Он тяжело дышит, стиснув зубы. И на какое-то мгновение я теряю голову, он кажется мне самым близким человеком во всем мире, самым родным... Но лишь на мгновение. От него резко пахнет кровью. На нем стальная кираса, холодная и жесткая, он придавил мне руку...

Я, наверно, только сейчас понимаю, что случилось. И меня трясет. Я всхлипываю.

– Тихо, тихо, – шепчет он. – Уже все.

– Отпусти! – я дергаюсь назад.

Он послушно отпускает. Поднимается на ноги, но предусмотрительно встает, загораживая окно.

– Ты так сильно боишься меня, Тиль?

– Я ненавижу тебя.

Он кивает.

Я отползаю назад, к стене, забиваюсь в угол. Слезы подступают, я не могу их сдержать. Как же так вышло? Как вышло, что мальчик, в которого я была влюблена всю свою жизнь, вдруг вырос, и я готова умереть, лишь бы он не прикасался ко мне. Он так изменился?

Я смотрю на него и не могу понять.

Он прислоняется спиной к стене, он глядит мне в глаза. Молчит.

По моим щекам бегут слезы.

– Ты убил моего брата, – говорю я.

Он кивает. Это глупо отрицать.

– Ты убил их обоих. И Оуэна. Его ты убил тоже? Ему ведь было всего двенадцать лет! Он был ребенком!

Он качает головой. Я вижу, как желваки движутся на его щеках.

– Нет. Я думал, ты мне веришь... – он поджимает губы.

– Ты лжешь. Хаддин видел это. Я не верю тебе... Как я могу верить? Ты захватил мой город, сжег его. Ты захватил замок. Ты отнял у меня все! Ты убийца!

– Да, – холодно говорит он. – Я убийца. Я убил твоего брата, Хаддина, честно, один на один. Я захватил и сжег город. Но Оуэна – нет...

Он смотрит мне в глаза, и в его глазах я вижу лед.

– Честно? – говорю я. – Слышала, ты неуязвим? Тебя невозможно убить? О какой честности ты говоришь тогда?! Что мог сделать Хаддин?

– Что он мог сделать? – Эрнан усмехается, так криво и зло. – Ты думаешь, у него было меньше шансов, чем у меня? Ты действительно не понимаешь? Хаддин... – он не договаривает, скрипит зубами, отворачивается. – Хватит, Тиль, – говорит он, и мне становится страшно. – Хватит, я устал. Мне плевать, что ты думаешь. Можешь думать все, что угодно. Но сейчас ты встанешь и пойдешь со мной. Ты нужна мне. И тебе придется смириться. Ты станешь моей женой и сядешь на трон рядом со мной. И сегодня вечером ты будешь сидеть рядом со мной на пиру в Небесном Чертоге и принимать поздравления. Вставай.

Я чувствую, как все тело холодеет, и ужас сжимается внутри.

– А если я не пойду?

– Если ты не пойдешь, Тиль... Луцилия, если ты не пойдешь по доброй воле, я велю заковать тебя в цепи. И потащу на пир в кандалах. И все равно будет так, как я сказал. У тебя нет выбора. Идем.

Он протягивает мне руку.

И я вижу, как его пальцы дрожат.

* * *

– Убийца! – истошно орал Хаддин. – Ты убил его! Ты убил!

Когда я прибежала, Нарина уже схватили. Тогда еще его звали Нарин, а не Эрнан, я и подумать не могла, кто он на самом деле.

Они с Хаддином стреляли во дворе из арбалета. Хаддин стрелял, а Нарин бегал за стрелами. Учебными, с тупым концом. Да и арбалет у них был почти игрушечным, легким, из которого никого нельзя убить даже с двадцати шагов. Я никогда не понимала этой забавы, тем более что Хаддин был уже взрослым, ему было шестнадцать.

Но сейчас у ног Нарина лежал настоящий боевой арбалет.

А там, в кустах на другой стороне двора... Оуэн? Я даже не сразу поняла, что случилось. Не сразу поверила.

– Убийца! – орал Хаддин.

Нарин молчал. Его держали за руки, он стоял совсем белый, не пытаясь вырываться, не пытаясь оправдываться.

– Оуэн! – я бросилась было к брату, но появился отец. Он схватил меня. Не пустил. Велел немедленно идти к себе.

Я никогда не могла спорить с отцом. Не могла ослушаться.

Даже сейчас.

Отец подошел к Оуэну сам, склонился над ним.

– Ты убил его! – рявкнул, словно грянул гром.

– Нет! – И тогда я впервые увидела ужас на лице Нарина, но смотрел он не на отца и даже не на мертвого Оуэна, а на меня. – Нет! Это не я! Не я сделал это, Тиль!

Я потеряла брата в тот день. Меня даже не пустили к нему. Я рыдала у себя в комнате и весь день потом. Отец сказал: «Нечего тебе на это смотреть», не позволил даже проститься. Я не могла понять – как же так.

Я потеряла брата.

И друга потеряла тоже.

Отец велел казнить Нарина следующим утром, еще до похорон. К нему, конечно, меня не пустили тоже. Я видела Нарина лишь издалека. Видела, как его вели к высокой скале над морем. Он шел, слегка прихрамывая, расправив плечи и высоко подняв голову. Он был совсем мальчишка тогда. Его связали, привязали к ногам камень и бросили со скалы.

Вот только тело так и не нашли. Одни говорили – его унесло течением, другие – утащили русалки. Отец был в ярости.

* * *

– Принеси воды ее высочеству, – велел Эрнан, – и новое платье. Помоги ей привести себя в порядок. Сегодня вечером нас ждет торжественный ужин.

Он привел меня в мою комнату, позвал дрожащую горничную.

Замок казался пустым, но все осталось на своих местах. Даже слуги – они попрятались, но стоило только позвать. Я так боялась, что люди Эрнана разграбят все, ведь это их добыча. Или это добыча Эрнана, а он не позволит тронуть свое? Я пока еще не понимала как будет, и что ждет нас.

Только сейчас, впервые, подумала о Маргед, жене Хаддина. Королеве... Она называла себя королевой, как только умер отец, но ведь Хаддин не успел надеть корону. Времени не было, вокруг враги, коронация так и не состоялась. Хаддин был принцем. А Маргед... он отослал ее куда-то, лишь только к городу подошли войска. Ее и маленького сына. Они спаслись? Их нашли? Я боялась подумать, что с ними будет, если найдут. Ведь если Хаддин мертв, то не я, а маленький Гаран будет наследником. Вряд ли Эрнан закроет на это глаза.

Глава 2

Вечером Эрнан сам зашел за мной.

Он тоже успел помыться, сбрить щетину. И теперь выглядел еще более уставшим и осунувшимся, эйфория победы схлынула. Он сменил окровавленные доспехи на простой черный дублет, какие носили северяне, с фамильным гербом: ворон на голубом фоне. Герб Лохленна. Эрнан король Лохленна по праву рождения и по праву, завоеванному собственным мечом. Но здесь он пока не король.

Он вошел, окинул меня придирчивым взглядом.

– Уже готова? Ты прекрасно выглядишь, Луцилия. Я рад.

И я со всего маху залепила ему пощечину. Эрнан только поморщился.

– Можешь не стараться, – сказал он. – Я ничего не чувствую, ты забыла? Ходят слухи, что я неуязвим. Так что если надумаешь воткнуть мне нож в спину, когда я сплю, то у тебя тоже ничего не выйдет.

– Неуязвим? – я протянула руку, коснулась его брови. – Тогда что это?

Бровь рассечена, и вокруг бордовый синяк, глубокая царапина на скуле. Там, в башне, он был настолько грязный, что я и не разглядела. На правой руке сбиты костяшки пальцев.

– Не трогай, принцесса, – сказал он. – Иначе я решу, что мне можно тоже.

Он провел пальцами по моей щеке, чуть приподнял подбородок. И мои щеки вспыхнули, я даже не сразу нашла что сказать. Смутилась.

– Или можно? – тихо спросил он, наклонился ко мне. Я почувствовала на лбу его дыхание.

– Нет.

Он кивнул. Отвернулся. Убрал руку.

– Эрнан, я еще... Я хочу спросить... Неужели ты правда заковал бы меня в кандалы?

– Правда, – холодно сказал он, искоса глянул на меня, вздохнул. – Не знаю, Луцилия, – добавил чуть теплее. – Думаю, я нашел бы и другой способ, попроще. Я бы взвалил тебя на плечо и потащил в Чертог. И ты бы никуда не делась.

– Я бы кричала и вырывалась.

– Да? – он повернулся ко мне и теперь смотрел прямо в глаза. – Ты визжала бы и брыкалась на виду у всех? Устроила бы истерику перед своими врагами? Я думал, принцесс учат держаться достойно, даже когда их ведут на казнь, – злость скользнула в его голосе и даже, кажется, толика презрения.

Потом он снова повернулся ко мне спиной и пошел по коридору, не оглядываясь. Не сомневаясь, что я пойду следом.

Меня словно окатили холодной водой. Стало так стыдно и обидно разом. Так плохо. Он прав, это действительно недостойно. Нужно помнить, кто я, даже если у меня все отняли. Даже если всем плевать.

Эрнан всегда помнил. Кому, как не ему, говорить о таких вещах.

Я пошла за ним.

Побежала, едва догнала. Эрнан шел быстро, я едва поспевала за ним, запыхалась, едва не упала, споткнувшись. Он успел поймать меня под руку. Потом пошел тише.

Я смотрела на него и никак не могла понять, что я чувствую. Я ненавижу его, но... Наверно, я до сих пор не могу поверить. Я смотрю на него и вижу таким, каким он был в детстве, добрым и чутким мальчиком. Сегодня в башне он спас мне жизнь. Он всегда был готов помочь мне. Он играл с Оуэном, он вырезал для него лошадок и драконов из дерева. Он собирал для меня вишню в саду...

Как бы там ни было, я всегда считала, что с Оуэном произошел несчастный случай. Нарин просто не мог причинить ему вред. Что-то случилось, стрела сорвалась. Не знаю, как это вышло, но он не хотел.

Да, его армия взяла город. Но это его армия, не он сам. Варвары, наемники, дикие лорды с равнин. Я понимала, что это он привел их, но все равно у меня в голове не укладывалось. Это не он.

И даже с Хаддином. Мне все казалось, Эрнан меня обманул. Хаддин жив. Я скоро увижу его. Он отрекся от трона, сейчас заперт где-нибудь в башне, а может, даже ему позволили уехать. Да, он отдал кольцо, как символ власти. Но он жив.

Если бы все было так, то, возможно, я бы даже смогла принять Эрнана. Не сейчас, со временем. Когда все уляжется. И стать его женой. Я ведь помнила его все эти годы. Я ждала.

Если Хаддин жив, он где-то там со своей семьей... Все хорошо.

Небесный Чертог – огромный тронный зал с высокими стрельчатыми окнами, словно парящий в облаках над морем. Сейчас он был полон народу, еще не войдя, я слышала музыку, крики и смех. Там готовились праздновать победу, ждали лишь короля.

Эрнан подал мне руку, предлагая зайти вместе. Я покачала головой.

Двери открылись перед нами. Я видела, как он глубоко вдохнул, словно собираясь нырнуть. В Чертоге наступила тишина. Мы вошли. Сначала Эрнан, я за ним.

Он сделал несколько шагов вперед и вдруг замер. Он обернулся было ко мне, хотел что-то сказать, но тут я увидела.

Посреди зала, между колонн, висел Хаддин вниз головой с распоротым животом. Внутренности вывалились наружу. Кругом кровь.

Я заорала.

Паника. Дикая паника захлестнула меня. В первое мгновение мне захотелось спрятаться, не видеть этого. Я в ужасе, зажмурившись, уткнулась Эрнану в грудь. И только потом поняла – ведь это он! Он – убийца! Там, у ворот вчера он обещал убить Хаддина и вспороть ему живот. Я рванулась в сторону, но Эрнан уже крепко держал меня за плечи.

– Не дергайся, – сказал он. И потом громко, чтобы все слышали: – Уберите это!

– Тебе не нравится, как мы украсили зал? – крикнул кто-то, я слышала, тот явно был уже пьян.

– Убрать! – рявкнул Эрнан так, что у меня заложило уши.

Я почти ничего не соображала больше, у меня ноги подгибались. Эрнан подхватил меня, почти поднял, потащил за стол, на положенное место. Я даже идти сама была не в силах.

Он что-то говорил, я ничего не понимала, и мне говорил, и людям в зале. Все словно в тумане. Я зажмурилась. Боялась открыть глаза и увидеть снова. Я не вынесу этого. К горлу подкатывала тошнота.

Меня усадили в кресло, сунули в руки высокий кубок, но пить я не могла, и даже удержать в руках не выходило. Я уронила, расплескала все. Закрыла лицо руками. В животе все сжималось и подкатывало к самому горлу...

– Дыши. Дыши глубже, – услышала я голос Эрнана. – Не хватало еще, чтобы тебя стошнило прямо здесь. Можешь открыть глаза, его уже унесли.

Я всхлипнула, зажмурилась еще крепче.

Хаддин! Как же так?! Я ведь почти поверила!

– Зря ты так, мой мальчик, – сказал кто-то рядом. – Зря снял. Ты хочешь угодить этой девке? Я понимаю тебя. Был бы я помоложе, тоже мечтал бы о ее любви. Но не забывай, кто она. Лучше подумай о своих людях. Они хотели тебя порадовать.

– Если мы хотим остаться здесь, не стоит вести себя как свиньи, – холодно ответил Эрнан. – К мертвым стоит относиться с уважением. Кем бы они ни были.

– К мертвым? – тот вздохнул. – Тебе виднее. Вот только я бы предпочел получить свое и отправиться домой. Меня жена ждет. Она, конечно, старая и толстая, но я уже к ней привык.

Я слышала, как Эрнан усмехнулся.

Мертвым... Отчего-то вспомнились разговоры, что Эрнан давно мертв, поэтому его никто не может убить. Мой отец бросил его в море, он утонул. Какая-то черная русалочья магия вернула его.

Но это все сказки.

Вдруг стало так страшно.

Всхлипнула, приоткрыла глаза.

Нет, Эрнан не мертв, конечно. Это сказки.

Хаддина уже унесли, кровь убрали. Снова громко играла музыка. Начали разносить еду, гости за столами оживились. Голова еще кружилась, но я немного пришла в себя.

– А, очнулась, – сказал старик рядом с Эрнаном. – Ты так убиваешься, а знаешь, что твой братец предлагал выдать тебя, чтобы ему сохранили жизнь?

– Что? – я сама не узнала свой голос, едва слышно.

– Твой братец, говорю, хотел подсунуть тебя под Эрнана, чтоб спасти свою шкуру.

Это не укладывалось в голове.

– Нет... Он не мог. Я не верю.

– Зря не веришь, – пожал плечами старик. – Хаддин визжал как свинья, когда Эрнан пришел за ним. Он кричал тут, что если его хоть пальцем тронут, то ты тоже умрешь, напугать хотел. Не вышло, значит?

Я мотнула головой.

Не верю.

Не сейчас.

«Тебе лучше умереть, чем отдаться ему!» – горячо шептал Хаддин. Ворота уже пали, исход битвы решен. «Тебе лучше умереть! Он чудовище! Захватчик! Узурпатор! Он хочет получить тебя, но ты не должна позволить ему! Ты не шлюха! Умереть! Иначе ты опозоришь весь наш род! Ты не должна достаться ему живой!» Он тащил меня в Небесный Чертог, но я вырвалась и убежала. Я спряталась в крошечной комнатке в Зеленой башне, тайной комнатке, о которой знала только я. И еще Эрнан. Наверно, я ждала его, хоть и не могла признаться даже себе.

«Ты должна умереть!» – звенело в ушах.

– Твой братец был той еще сволочью, – сказал старик. – И трусом.

– Не трогай ее, Ливан, – Эрнан остановил его. – Сейчас не самое подходящее время.

Я отвернулась. По щекам покатились слезы.

– Ты убил его, да? – спросила я.

– Да, – сказал Эрнан. – Я утопил его в купели в Утренней часовне.

– Утопил?

– Это было не просто, – Эрнан устало поморщился. – Принесите вина, – велел он, – тиронского, покрепче.

Когда принесли, сам наполнил мой кубок.

– Выпей, – сказал он. – Тебе поможет.

Я не хотела пить. И есть, конечно, не хотела тоже. Вообще ничего, даже смотреть не могла.

Музыка, смех и разговоры сливались для меня в общий гул, я почти не слышала ничего вокруг. Я сидела почти неподвижно, глядя в свою тарелку. Никто больше не пытался говорить со мной. Всем было не до меня. Я ни о чем не могла думать,

мне все казалось – я сплю и сейчас проснусь... Проснусь, и ничего этого не будет. Все будет, как раньше.

Эрнан смеялся. Он обсуждал что-то со своими людьми, принимал поздравления, пил за победу, выслушивал клятвы верности от придворных вельмож, которые уже успели переметнуться на его сторону. И снова пил, смеялся и радовался победе. Я сидела совсем рядом, но все это доносилось до меня, словно из глубины... Словно пустота вокруг.

Я пыталась понять, что меня ждет. Боялась того, что будет.

Сейчас или потом... Я должна стать его женой? У меня нет выбора.

Этот Эрнан, сидящий рядом, казался мне совершенно незнакомым, чужим и страшным человеком. Чудовищем. Даже в башне он был другим.

– И когда коронация? – краем уха уловила я.

– Думаю, через месяц, не больше, – говорил Эрнан. – Не хочу тянуть. Мне нужны полномочия.

– А наследники? Кроме принцессы никого нет?

– Нет, – говорил Эрнан, – я все решил.

– Принц Гаран, сын Хаддина?

Я вздрогнула, резко повернулась к нему. Принц? Что с ним? Эрнан не успел ответить, встретился со мной взглядом. Что-то изменилось в его лице, хотя он все так же вальяжно продолжал сидеть в кресле, держа полный кубок в одной руке и засахаренный персик в другой. Рядом с ним на столе лежал нож, которым он только что резал мясо.

– Что ты сделал с принцем? – спросила я.

Кто-то рядом заржал. «О, ты смотри, смотри! Проснулась!» «Да ей только принцев подавай!» и что-то еще.

Эрнан молчал.

Я глядела в его глаза – совершенно ясные, трезвые, напряженные, несмотря на бурное веселье вокруг. Я видела, он пытался что-то решить. Соврать?

– Что ты сделал с ребенком? – повторила я, голос дрогнул.

В глазах Эрнана сверкнула какая-то страшная невероятная злость.

– Я убил его, – резко бросил он. – Его я тоже убил, поняла? Чего ты ожидала?

Я вскрикнула.

И даже не знаю, что на меня нашло. Никогда бы не подумала, что способна на такое.

Я подскочила, схватила нож и...

Конечно, я не успела. Эрнан перехватил мою руку.

Мы оба теперь стояли. Я сжимала нож в руке, он держал меня за запястье.

И вокруг тишина.

Стало так тихо, что слышно было, как море шумит далеко внизу. Ни единого звука.

– Она хотела убить короля? – осторожно сказал кто-то.

– Это покушение!

Все, конец, поняла я. Это конец. Прямо на пиру. Все видели. Такого не прощают. Как глупо...

Эрнан обернулся к ним. Так широко и беззаботно ухмыльнулся.

– Вот эта дикая кошечка по мне! – сказал он громко. – Любит выпустить когти! Ничего, я с ней справлюсь!

Резко притянул меня к себе, крепко прижал, обнял. Я забилась было в его руках, пытаюсь вырваться, но сделать ничего не могла. Он был страшно силен, его руки казались железными, нечеловеческими. Чуть надавил на запястье, я вскрикнула, выронила нож.

А потом он поцеловал меня...

Я еще пыталась дергаться. Мои руки вдруг оказались свободными, я принялась колотить его, но он, кажется, даже не чувствовал, ему было все равно. Одной рукой он прижимал меня к себе, обхватывая за талию и спускаясь все ниже... другая рука поддерживала шею и затылок, и мне некуда было деваться. Я пыталась оттолкнуть его, но что толку. Так близко... Я чувствовала, как гулко и быстро колотится его сердце. И еще, как сильно он хочет меня ...

Он поцеловал... Он обнимал меня так уверенно и по-хозяйски, но поцелуй был нежный, даже осторожный. Сахар от персика на его губах. И я совсем не чувствовала запах вина, хотя, казалось, он выпил уже бокал.

Его губы... словно обожгло огнем. Меня еще никто и никогда не целовал. Я никогда... Еще в детстве я пыталась представить, как это бывает, и в моих мечтах это всегда был Нарин. Эрнан. Я знала, что это невозможно, но в мечтах я всегда представляла его. А теперь... У меня закружилась голова. И подогнулись ноги. Все поплыло, все провалилось куда-то. Все исчезло, словно мы одни в целом мире. Я затихла, почти повисла на его руках, и в какой-то момент мне показалось даже, что я готова ответить...

Эрнан чуть отстранился.

В его серых глазах был лед.

– И это все? – тихо-тихо сказал он. – Так просто? Ты уже согласна?

Словно пощечина.

Меня бросило сначала в жар, потом в холод. Затрясло. Лицо вспыхнуло. Мне казалось, я сейчас умру, провалюсь сквозь землю.

Я толкнула его, попыталась освободиться. Он ухмыльнулся.

Вокруг смеялись. Улюлюкали. Какие-то шутки в мой адрес... пошлые шутки... кто-то советовал продолжить в спальне, кто-то кричал, что и эта крепость храбро сражалась, но уже готова пасть и открыть победителю ворота... и слава королю!

Меня трясло.

Еще немного, и я упаду в обморок.

Лучше бы я умерла тогда. Лучше бы прыгнула в окно сразу, и Эрнан бы не успел. И ничего бы этого не было.

Он наклонился, поднял нож, сунул за пояс.

– Думаю, нам действительно стоит уединиться! – весело и громко объявил он. – Простите, что оставляю вас, но надо и эту осаду довести до конца. Отдыхайте! И за победу!

– За победу! – грянул Чертог. – Слава королю!

Эрнан поднял бокал, залпом выпил все до дна и швырнул об пол.

– Идем, – он взял меня за руку.

Я не смогла толком сделать и пары шагов, ноги не слушались, я чуть не упала.

Тогда Эрнан подхватил меня на руки и понес.

Он так и нес до самой моей спальни, через весь замок.

Сейчас...

Паника. У меня темнело в глазах, все сжималось внутри, и от волнения стучали зубы.

Пинком ноги он открыл дверь. Я чуть не закричала, страшно боясь того, что сейчас будет. Но он пронес меня мимо кровати на балкон. Усадил в кресло. Солёный свежий морской воздух пахнул в лицо. Ночная прохлада. Треск цикад в саду под окном.

Он присел рядом.

– Как ты?

Я смотрела на него и ничего не могла сказать. Не знала, что и думать. Все так перемешалось.

Он потянулся было ко мне, но я со страха вжалась в кресло, чуть не закричала.

Он улыбнулся. Лишь легонько коснулся губами моего лба.

– Не бойся, Тиль, я не трону тебя. – Страшная усталость в его глазах. – Посиди немного на воздухе и иди спать. Это был тяжелый день, и завтра будет не лучше. Отдохни.

На глаза навернулись слезы, губы дрогнули... Я сейчас расплачусь.

– Ты не против, если я посплю тут у тебя? – сказал Эрнан. – Если сразу пойду к себе, начнутся пересуды. Зачем давать лишний повод?

Я неуверенно кивнула.

Он поднялся на ноги.

Не знаю, сколько сидела так. Сначала тихо плакала. Потом рыдала в голос, почти захлебываясь, всхлипывая. Потом просто сидела, глядя на море.

Страшная опустошенность накрыла меня.

Ни горя, ни боли, только безграничная пустота.

Я потеряла все. Всех близких людей. Отец умер чуть больше месяца назад, а потом... потом все это. Даже Гаран. Он только родился. Отец даже не видел его, не успел. А теперь...

Когда-то, когда я только слышала, что Эрнан вернулся и вернул себе Лохленн, я втайне мечтала, что однажды он придет за мной. Заберет меня с собой. И мы будем счастливы.

Он пришел.

Только счастливы мы никогда не будем. После всего...

Этот Эрнан – совсем не тот мальчик, которого я знала. И никогда уже не будет прежним. Слишком много всего между нами.

Я встала. Заглянула в спальню.

Он действительно спал там, на маленьком диванчике в углу, сняв сапоги, неудобно поджав длинные ноги, подсунув руку под голову.

Король Лохленна.

Я подошла.

Он не слышал. Он глубоко и ровно дышал во сне, хмурился, ему что-то снилось... Тяжелый день... Еще утром шел бой. А для него, я думаю, этот бой не прекращался последние две недели, когда они брали город, а потом крепость. Две недели непрерывных боев. Его видели у стены, на улицах, он всегда был со своими людьми, впереди, и днем, и ночью. У нас шептались – он вообще не человек. Демон, вернувшийся из Табера, царства теней.

Жестокий демон, несущий смерть, не знающий усталости.

Не знающий жалости.

Даже к младенцам.

Тварь, вернувшаяся с того света.

И все же я слышала, как бьется его сердце. Его можно убить?

Нож у него за поясом.

Он спит.

И мне уже почти все равно, что будет со мной. Если я смогу хоть раз попытаться...

Я подошла. Стараясь очень тихо, не шуметь и почти не дышать. Не разбудить его. Протянула руку.

Рукоять была теплой. Я взялась, осторожно потянула. Сначала никак не выходило, пришлось сильнее, так старалась, даже закусил губу. Осторожно, чуть покачивая, ничего не задевая.

И мне почти удалось, но тут он открыл глаза.

Я отшатнулась, отпрыгнула назад. Но нож остался у меня, я смогла.

Эрнан сел. Он смотрел на меня, на нож, на то, как дрожат мои руки.

– Ты так хочешь убить меня? – сказал, наконец. – Хорошо. Давай. Попробуй убить, и закроем этот вопрос раз и навсегда.

Попробовать? Он издевается? Что я могу сделать против него? Он воин. Хочет, чтобы я дралась с ним?

Эрнан поднялся на ноги.

– Давай, Тиль. Попробуй, ударь меня, – он развел руки в стороны. – Я даже не буду тебе мешать. Давай.

Что это за игры? Что он задумал?

Я не понимала.

– На тебе кольчуга, да? Там, под одеждой?

Он покачал головой. Расстегнул застёжки, снял дублет, оставшись в тонкой сорочке.

– Никакой кольчуги, – сказал он. – Я могу совсем раздеться, но, думаю, понятно. Попробуй, ударь.

Оцепенение напало на меня. Я стояла и не могла поверить.

– Давай, – Эрнан сам шагнул ко мне. – Ты должна увидеть своими глазами. Убедись. И больше уже не лезь ко мне с этим. Ударь.

– Тебя нельзя убить, да?

– Убить можно, – сказал он. – Но не так, придется постараться. В конце концов, я снял его с мертвого... с убитого врага, – он криво ухмыльнулся. – Давай, ты все равно не согласишься, пока не увидишь.

Я мотнула головой.

Не могу.

Тогда он взял меня за руку. За ту руку, в которой я держала нож, сам сжал мои пальцы, чтобы я не выронила. Поднял, направил острием себе в грудь и вдруг резко дернул на себя со всей силы. Я едва не упала. Мне показалось, нож ударился в камень. Во что-то твердое, и отскочил, отдавшись болью в руке. Взвизгнула сталь. Эрнан моргнул и выдохнул почти с облегчением, так, словно и сам он видел это впервые, не очень представляя, как все будет.

– Поняла? – чуть хрипло спросил он. – Давай сама. Ну?

Я заворожено ткнула его в грудь снова. Потом еще, сильнее. И снова. Я вложила в это весь ужас, всю боль, все желание отомстить... И еще! За всех, кого он убил! С размаху. И снова!

– Хватит, – Эрнан поймал меня за руку. – Убедилась?

Словно очнулась.

Сорочка на нем порвана, свисает клочьями. Неужели это все я?

– Ты... ты вообще человек? – шепнула я. – Говорят, ты демон? Мертвый. Поэтому тебя невозможно убить.

Он покачал головой.

– Всего лишь защитный амулет. Если я сниму его, ты сможешь проткнуть меня насквозь, и я умру. Но не пытайся снять сама. С живого хозяина против воли снять невозможно. У тебя не выйдет. И давай без глупостей. В следующий раз я не стану просто стоять и смотреть.

Эрнан повернулся, подобрал сапоги и куртку.

– Скоро утро, – сказал он. – Отдохни.

Глава 3

Погребальные костры уже сложили.

Три костра на берегу.

Хаддин. Маргед. И Гаран. Кто-то говорил, надо положить ребенка к матери, но Эрнан сказал: «нет». Пусть идет в Табер сам, своим путем, он принц. У Эрнана

были свои счета с мертвыми и свои взгляды.

Я стояла рядом, смотрела и понимала, что уже почти ничего не чувствую. Пустота. Все слезы закончились. Все выгорело. Одна пустота. Ни слез, ни горя, ни ненависти.

– Подойди, – тихо сказал Эрнан. – Подойди к ним, простись. Только тихо.

Я удивленно посмотрела на него. С какой стати ему указывать?

Нет. Я уже простилась с ними в своей душе, я уже достаточно видела в Чертоге и больше не вынесу этого. Я закрываю глаза и вижу снова. Хватит. Они мертвы.

Если я подойду, то разрыдаюсь при всех. Но плакать нельзя.

Совсем недавно я проводила в Табер отца. Теперь брата. У меня больше никого не осталось.

– Возьмешь факел? – спросил Эрнан.

Я покачала головой.

– Это должен делать мужчина.

– Это должен делать близкий родственник, – сказал он сухо. – У них тут, кроме тебя, никого нет.

– Ты не имеешь права говорить об этом.

– Не имею, – согласился он. – Как хочешь.

Жрец Темного уже закончил напутственные песни, священный огонь трепетал перед ним, выбрасывая в воздух искры. Пора.

Эрнан подошел сам. Я слышала, как в толпе зашептались – он убийца, он не имеет права. Но он король. И никто не посмеет сказать ему это в лицо.

Эрнан опустился перед жрецом на колени. Тот что-то шепнул ему, Эрнан покачал головой. Мне кажется, жрец тоже был не доволен. Он медлил. А Эрнан терпеливо ждал на коленях, склонив голову, как подобает.

Но спорить не время.

Жрец взял в руки нож, трижды пронес его над пламенем. Потом срезал немного волос с головы Эрнана, бросил в огонь. Взял его руку, провел по ладони острием, и несколько капель крови скатилось, и священный огонь вспыхнул снопом искр, затрепетал.

Эрнан поднялся на ноги.

– Эдн, Великий Орел, я зову тебя! – Его голос звучал громко и чисто, кажется, даже в самых последних рядах собравшихся было слышно. – Спустиись и возьми эти души, подними их на свое крыло, отнеси их во мрак! Пусть дорога ваша будет легка!

В небесах, над головой, раздался орлиный клекот.

По толпе прокатился вздох. Орел! Такое бывает не часто. Говорят, это добрый знак.

На меня напало странное оцепенение.

Я смотрела, как Эрнан берет факел, зажигает его от священного огня, подходит, подносит сначала к стопке хвороста у ног Хаддина, шепчет слова молитвы, и сухие ветки вспыхивают огненной стеной. Потом к Маргед. Потом к Гарану. Убийца. И все же: «к мертвым стоит относиться с уважением», я почему-то уверена, что он все делает правильно. Они найдут последнее пристанище там. Дорога будет легка и сон безмятежен.

Убийца.

Если смогу, я отправлю Эрнана вслед за ними. Теперь мне тоже есть кому мстить. Нужно только понять как. Боги, клянусь вам! Я отправлю убийцу вслед за ними, я сделаю это.

Кружится голова.

Дым пахнет сандалом и миртом. Искры трещат. Сейчас займутся крупные бревна, а потом... Я отворачиваюсь. Вдруг щиплет глаза.

Наверно, мне стоило все сделать самой. Я единственный близкий родственник. Но теперь поздно.

Они уже ушли. Орел забрал их.

Эрнан возвращается на свое место, стоит, хмуро глядя в небеса.

– Так странно, – тихо говорит он, – по моей вине погибли тысячи людей. Я затеял эту войну, я повел их. И погибли не только солдаты, но и простые люди. Случайные. В своих домах, на улицах. Ты видела, что творилось на улицах, когда вошли войска? Я видел. Резня. Погибли женщины, дети, такие же, как и те, что лежат сейчас на костре. Ничем не лучше и не хуже. Не я их убил, не своей рукой, но все же. Но винить меня будут только за этих.

– Боги рассудят за всех.

– Пожалуй, – соглашается он.

В ноздри бьет запах горелого мяса.

Я пытаюсь отвернуться, становится нехорошо.

– Ты умирал, Эрнан? Ты был там?

Он как-то очень буднично пожимает плечами.

– Не знаю. Может, это был только сон. Я помню, как спускался в глубокий колодец. Помню свет... Не знаю, Тиль. Я умирал, но не знаю, умер ли до конца. Я помню удар об воду, меня оглушило, из носа хлынула кровь. Помню, как камень тянул меня вниз, как я задыхался, как горели и разрывались легкие, но... Не знаю.

– Страшно было?

– Страшно было сидеть и ждать утра. Знать, что будет. Страшно было подниматься на скалу. А там, в воде – уже нет.

– Оуэн умер быстро. Не успел испугаться.

Эрнан трет ладонью лицо, потом поворачивается, долго пристально смотрит на меня, словно желая что-то понять. Я отвожу глаза. Я уже и сама не знаю, зачем начала этот разговор.

– Ты любила своего брата? – вдруг спрашивает он. – Хаддина? Ты любила Хаддина, Тиль? Тебе дорога память о нем?

У меня все сжимается внутри. Кажется, я знаю, что он сейчас скажет. Всегда знала. Но я не хочу.

– Память – это все, что у меня осталось, – говорю я. – Ты отнял у меня все. Не отнимай хотя бы это.

Он кивает.

Пустота.

* * *

– Луцилия! Как я рада!

Флир ждала меня. И я, наконец-то, вздохнула с облегчением – хоть с кем-то можно поговорить, поплакать у кого-то на плече. Хоть кто-то, кого я действительно рада видеть! Пустота угнетала, я уже думала – она полностью захватила меня. Но улыбка Флир придавала немного сил.

Флир – дочь лорда Корсена, распорядителя королевской охоты, всегда веселая и беззаботная, мы давно дружны с ней.

Последние дни я не видела ее, не представляла, что случилось. Только бы все было хорошо.

– Как ты, Флир! Как твой отец?

Я боялась, она скажет, что Эрнан убил и его тоже. Боялась того, что могло случиться с ней самой, ведь замок полон солдат, и захватчики не церемонятся...

– Все хорошо, не волнуйся, отец уже присягнул на верность Эрнану. Ты разве не видела его на пиру?

Я даже вздрогнула. Как все просто.

Как все просто для нее. Отец присягнул, и волноваться не о чем. Тот король или другой – не важно.

– Нет. Мне было не до того.

– Ах, прости... – Флир на мгновение смутилась, но лишь на мгновение. – А расскажи, как он?

– Кто?

– Эрнан! Он такой красавец! А в постели он так же горяч, как в бою?

Меня передернуло.

Не удивило, пожалуй, но возмутило. Как можно?

– Он просто чудовище.

– Так плохо? – удивилась Флир. – Он был груб с тобой? Тебе не понравилось?

– Он убил моего брата! Он убил Маргед!

– Ну, Маргед... ты же ее терпеть не могла? А твоего брата давно стоило придушить, поделом ему.

Я не могла в это поверить. Вся эта война, все ужасы ничего не значили для нее? Все то, что случилось... И словно ничего не было. Словно так и должно быть.

– Что ты такое говоришь, Флир?

– Твой брат был той еще скотиной, уж прости. Как вспомню...

– Он был моим братом!

– Прости, – Флир нахмурилась. – Но, насколько я помню, твой отец когда-то убил всю семью Эрнана, а теперь он пришел и убил твою. Он имел полное право. Вы в расчете. Ты же всегда мечтала о нем?

– Нет.

Я отвернулась.

Мечтала. Но не так. Я была глупой девочкой и не понимала...

Как можно такое говорить? После похорон!

Мне хотелось прогнать ее. И в то же время я боялась вновь остаться одна. Боялась пустоты.

– Ну, так как он?

Флир обошла меня и присела на край диванчика, того самого, на котором спал Эрнан. Ей хотелось подробностей. Она была свежа и весела с утра, ей хотелось новых историй и подвигов. О! О подвигах Флир я знала многое. Ее отец, несмотря на звание лорда, скорее формальное, был совсем не богат. Не знаю, какими землями он владел, и владел ли вообще. У Флир не было шансов удачно выйти замуж, зато была цветущая красота.

Зачем ей еще и это? Зачем ей знать об Эрнане?

– Никак. Ничего не было.

– Не было? – удивилась Флир. – Ты пыталась зарезать его на пиру? Он поймал тебя и страстно поцеловал, потом поднял на руки и понес сюда. Говорят, он нес тебя всю дорогу, до самой спальни, по всем лестницам и переходам. И ты хочешь сказать, что после этого ничего не было? Он принес, и? И ничего?

– Ничего, – сказала я. – Я упала в обморок и очнулась только к утру.

Флир недоверчиво смотрела на меня.

Ну вот, я уже сама начинаю врать. Зачем? Неужели я в чем-то виновата?

– А пока ты спала? Он... ну, он нет? – Флир пыталась понять. – Он ничего не сделал с тобой?

– Нет, – резко сказала я.

Мне начинало казаться – лучше пустота, чем это.

– Ты уверена?

Еще немного, и я... сама убью ее.

– Оставь меня, Флир. Я хочу побыть одна.

Она заулыбалась вдруг, словно поняла это как-то по-своему.

Я не могу.

Почему я должна оправдываться?

Что я должна объяснять? Что он не тронул меня? Почему? Потому, что не хотел причинить мне боль? Потому, что он...

Он любит меня? Или я не знаю чего-то важного?

На глаза навернулись слезы.

Он убил моего брата. Иногда душу можно ранить сильнее, чем тело.

– Оставь меня, Флир, прошу тебя, – попросила я. – Не сейчас.

Я вышла на балкон.

Там, внизу, вдалеке, шумело море. Белые барашки пены на сияющей лазури, еще не шторм, лишь легкое волнение. Небо синее-синее, и лишь у горизонта, почти у самой кромки воды, шла черная туча. Надвигалась гроза?

Ветер нес запах мирта с каменистых склонов. И аромат кипарисов – такой густой и терпкий. Камни нагрелись на солнце...

На берегу пусто.

Дым погребальных костров уже иссяк, пепел собрали.

Все кончено.

И еще отсюда видна Соленая башня над воротами, ведущими к набережной, кусок стены, и головы на стене. Даже отсюда я вижу их. Из своего окна. Каждый раз, глядя на море, я вижу мертвые головы.

Сначала две, потом добавилась еще одна.

Мародеры, как сказал Эрнан. Я не знаю этих людей, кто-то из тех, что пришел с ним. Да, он жесток даже к своим. Я ужаснулась, попросила снять, но он только покачал головой. Пусть остаются, чтобы все видели.

«Если хоть раз позволить им и закрыть глаза, город будет разграблен за пару дней».

Теперь это его город. И он никому не позволит портить свое.

Так будет с каждым.

Наверно, он прав. Но каждый раз, глядя на них, я понимаю, что он убийца. И пусть даже эти головы он срубил не своей рукой. Он не тот мальчик, которого я знала. Того Нарина больше нет. Все изменилось.

Нужно помнить об этом и никогда не забывать.

Пока он сдержан и даже добр со мной, но не стоит забывать о том, зачем он пришел.

Захватчик.

Нужно понять, чего мне ждать.

* * *

– Тиль?

Он поднялся мне навстречу.

– Не помешала? – спросила я.

Эрнан занял отцовские комнаты. Просторный светлый зал, рабочий стол у окна весь завален бумагами, с краю примостился одинокий кувшинчик вина.

– Нет. Заходи, Тиль.

Не знаю, правильно ли я поступаю?

– Я пришла поговорить. Хочу понять, чего от тебя ждать. Обсудить. Ведь даже с врагами нужно уметь договариваться, правда?

– Правда, – сказал он. – Я бы тоже хотел кое-что узнать у тебя. Ты обедала?

– Немного. Я не голодна.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда просто посиди со мной, я как раз собирался. Хочешь виноград? Или соленые оливки? Вина?

– Вина, пожалуй, – согласилась я.

Эрнан усадил меня за небольшой столик, в кресло. Удивительно, но я никогда не сидела здесь, никогда не обедала с отцом, он не звал меня. Я даже не уверена, что вся мебель стояла именно так, как раньше. На столе уже ждала миска с изрядно остывшим рагу, немного нарезанного мяса, сыра, оливки и свежая зелень. Мальчик, слуга Эрнана, принес мне еще один бокал и кувшинчик вина, Эрнан отослал его.

Сам налил мне немного, себе взял бокал, стоящий у него на столе, среди бумаг. И, наконец, сел напротив.

– У тебя много дел? – спросила я. – Некогда даже перекусить?

Он улыбнулся.

– Раз уж мы об этом, скажи, насколько ты вообще в курсе состояния дел? Казна? Долги? Важные договора? Я так понимаю, отец не посвящал тебя? А Хаддин? Что ты знаешь?

Я пожала плечами.

Хаддин тоже меня не посвящал.

– Не много, – сказала я.

Эрнан улыбнулся. Отпил несколько глотков, поставил бокал на стол.

– Дипломатично, – сказал он. – И все же? Ты боишься выдать мне какие-то тайны? Или просто не знаешь?

– Скорее не знаю. Думаю, ничего нового для тебя. Основная торговля с Фаннаром и Лотой – масло, вино, дерево, серебро. Гилтас и Тир платят нам дань зерном, Диджас – золотом. Мы платим дань Тоуру, морскому царю, но это скорее дань традиции.

– Традиции... – Эрнан покачал головой. – Хорошо, я понял.

Он взял пару оливок.

– Нашего повара ты убил тоже? – спросила я. – Обычно он мог приготовить что-то получше вчерашнего мяса и тушеной морковки... что там у тебя? Бобы с луком?

– У нас пустые склады, Тиль. Городские амбары сожгли еще на прошлой неделе. Все, подчистую. Поля сожжены. Окрестные деревни выгребли до основания. Будут ли поставки из Тира – сказать сложно, мне они, боюсь, могут отказать. Казна пуста. Дороги сейчас опасны, так что купцы придержат товар, и с торговлей будет плохо до лета как минимум. Нас ждет голод. Не нас с тобой, конечно, но город в целом. Бобы с луком – неплохой вариант, дешевый. Жизнь научила меня ценить даже сухие лепешки.

– Казна пуста? – я не поверила.

– Возможно, Хаддин припрятал что-то от меня. Но, судя по бумагам, проблемы с долгами уже давно, – Эрнан отпил вина. – Прости, Тиль, ты тоже хотела о чем-то поговорить?

Мне стало как-то неловко. Мои проблемы какие-то мелкие по сравнению с этим.

И все же.

– Что будет со мной? – сказала я.

– Ты будешь королевой, – сказал он.

Это прозвучало так... Словно награда. Словно Эрнан решил назначить меня на важный государственный пост. Деловое решение. Сказал – королевой, а не его женой.

– А если я не хочу?

Он откинулся на спинку кресла, разглядывая меня.

– Есть другие варианты, Луцилия. Твой отец тоже собирался выдать тебя замуж, думаю, ты понимаешь. Причем обещал тебя не единожды. Я нашел три договора, скрепленных печатями, от него и еще парочку обещаний от Хаддина. Должен признать, отец был более добр к тебе, по крайней мере, он собирался выдать тебя за короля и двух принцев. В Гилтас, Фаннар и Кидарис. Хаддин – лорду Дэйкину и Орсу в Тааракар. Орс даже не лорд, скорее богатый торговец, очень влиятельный – этого не отнять, и он обещал в обмен на тебя подкинуть денег в казну. Это еще раз подтверждает, что дела шли совсем плохо.

Мне казалось, будто землю выбили из-под ног.

Растерянность... даже не ужас, просто растерянность. Этого не может быть.

– Я не верю.

– Хочешь, я покажу тебе? – предложил Эрнан.

– Нет.

Это уже слишком. Нет, я не хочу сейчас на это смотреть.

– Не представляю, как бы твой отец, и особенно Хаддин, выкручивался бы, когда все эти короли и торговцы пришли бы за тобой.

Эрнан улыбался, ирония звучала в его голосе, но вот глаза смотрели очень серьезно.

Я глубоко вдохнула.

Нет. Я не могу поверить.

Потянулась, взяла бокал с вином, почти не глядя сделала большой глоток. Я видела, Эрнан попытался было остановить меня, но не стал. Большой глоток, и еще, хоть немного прийти в себя... Я только потом поняла, сморщилась.

– Что это?

Эрнан широко улыбался, теперь уже совершенно честно, и глаза смеялись тоже.

– Это мое, прости, Тиль. Ты схватила мой бокал. Твой вот. Ничего особенного, просто очень сильно разбавленное вино.

– Разбавленное?

– Вода. Не бойся, ты не отравишься, – он вздохнул. – Если честно, то очень хочется хорошенько напиться и не думать ни о чем. Вот прямо надраться до беспамятства и проваляться дня три. Но пока не выходит. Я так мало спал в последнее время, что, боюсь, меня свалит с пары глотков. А еще нужно кое-что решить.

Я смотрела на него.

Все это как-то не укладывалось в голове.

Разбавленное вино, бобы с луком, уставшее, осунувшееся лицо, круги под глазами. Победитель. Король. Только вчера взявший город, получивший все...

– И вчера тоже? – тихо спросила я.

Он кивнул.

– Вчера вообще только воду. Если бы пил вино на пиру, то не смог бы ограничиться одним поцелуем. Порадуйся. И так, знаешь...

Он отвернулся. Поджал губы.

Разбитая бровь, синяк у него на лице из бордового стал густо-синим, желтоватым по краям, скоро начнет сходить. Царапина на скуле. Как же это вышло? Я ведь пыталась убить его, я видела, что это невозможно, даже поцарапать. В чем секрет?

Небо за окном совсем потемнело, еще немного, и начнется гроза. Я уже слышала далекие раскаты, молния сверкнула на горизонте.

Веселье закончилось.

Стало как-то не по себе. Совсем неудобно. Неловко.

– А как собираешься выкручиваться ты? – тихо спросила я. – Когда все эти короли и торговцы придут за мной?

– Я узурпатор, а не преемник, – хмуро сказал Эрнан. – От меня не ждут соблюдения старых договоренностей. Я просто оставлю тебя себе, и пусть проваливаются.

– Почему?

Глупый вопрос.

– Потому, что я люблю тебя. И никому не отдам.

Тихо и просто, словно это не признание. Словно...

Он даже не смотрел на меня. Куда-то в сторону, все так же хмуро, стиснув зубы.

Потом встал, вышел на балкон. Подставил лицо первым каплям дождя.

С улицы пахнуло прохладой.

Мне, наверно, стоит уйти.

Глава 4

Бабочка у окна.

Мертвая бабочка лежала у окна, сложив крылья. Почти высохшая, невесомая.

Когда-то в детстве я умела оживлять бабочек. Я брала их, клала на одну ладошку и накрывала второй. Я представляла, что бабочка сейчас спит, ей снятся сны, какие-то чудесные цветочные сны, в которых небо и солнце, и у нее все хорошо. Сейчас она проснется и полетит. Потом я открывала руки, тихонько дула, и бабочка просыпалась. Иногда взлетала сразу. Иногда долго лежала на боку, подергивая лапками, но потом все равно поднималась, расправляла крылья.

У меня всегда получалось.

Однажды я даже оживила птичку, найденную в саду.

Я так радовалась. Мне было, наверно, пять лет.

Только няня сказала, что птичка просто замерзла ночью, уснула, а я отогрела ее своим дыханием. Ничего особенного не произошло. Никакого чуда.

Отец был в ярости. Он сказал, что если я еще раз, еще хоть раз сделаю что-то такое, он велит запереть меня в башне и не выпустит, пока не придет пора выдать замуж. Потому что принцессе не подобает делать такое. Потому что людям, которые умеют такое, уготована особая судьба. Я должна забыть. Иначе скитальцы заберут меня. И я ему больше не дочь.

Этими скитальцами пугали долго. Но я даже не знаю, были ли они на самом деле, или это все сказки. Древние сказки о древней магии.

Больше никаких бабочек.

Я была послушной девочкой, а потом выросла и забыла.

Теперь у меня нет отца, и уже никто не заберет.

Бабочка у окна.

Я осторожно взяла ее, положила на ладонь. Неужели я правда могла бы сделать это? Представить, что она спит, накрыть другой рукой. Какие сны снятся бабочкам?

Бабочка у меня между ладонями.

Что нужно сделать?

Я пыталась представить изо всех сил. Она спит. Просто спит.

Теперь открыть ладони и подуть?

Открыть... крылышко сломано, на пальцах пыльца.

Если подуть...

Я очень хотела, очень старалась все делать правильно.

Но ничего.

Я дула, но бабочка не оживала никак. Я пыталась повторить все снова, от начала до конца. И снова ничего.

Ничего не выйдет. Я была ребенком, теперь все иначе. Это была игра, не на самом деле. Я просто не помню. Ничего не было. Няня права, я не оживляла их, бабочки просто спали. Мне только казалось, что я оживляю их.

Чудес не бывает.

Вдруг слезы навернулись на глаза.

На что я надеюсь?

Мне все равно никого не оживить. Остался лишь пепел.

* * *

Убийц бросали в море с Костяной скалы. Не Эрнан был первый. Решив казнить его, отец всего лишь следовал традиции.

Так было раньше, а потом море отступило, под скалой обнажились камни и пляж. Можно было продолжать скидывать на камни, с такой высоты это верная смерть. Но отец решил иначе. После Эрнана убийц он вешал без затей. Или рубил им головы, если злодеи были знатного рода. Думаю, ему просто не хотелось снова вылавливать тело и гадать, где оно может всплыть.

Когда рубишь голову – тут уж наверняка.

Эрнану удалось выжить.

Говорят, русалки спасли его.

Может быть, даже сама Ингрун, дочь Тоура, морского царя. Я видела ее.

Видела ее утром у Костяной скалы. Они с Эрнаном говорили о чем-то. Я... не знаю... Мне стало как-то не по себе. Зачем он с ней?

Видела издалека. Со скалы, сверху. Я гуляла. Я всегда любила здесь гулять и даже купаться – тихо, спокойно, недалеко от замка, но никого нет, и никто не пытался меня останавливать. Здесь можно было раздеться и нырнуть, поплавать, не думая ни о чем, расслабиться, не боясь, что кто-то увидит. Говорили, Костяная скала – проклятое место, дурное, но меня эти разговоры не беспокоили. Я не верила.

Со скалы вниз вела узкая, едва заметная тропинка, очень крутая. Я хотела спуститься к морю, но увидела их. Внизу.

Эрнан сидел на большом плоском валуне у самой воды, сняв сапоги, закатав штаны до колен. Волны накатывались, обдавая брызгами и пеной.

А русалка сидела рядом, держа его за руку, заглядывая ему в глаза. Она приворожила его? Говорят, ни один мужчина не может устоять, если русалка его поманит. Ингрун я видела и раньше, вблизи. Она совсем как юная девушка, хотя ей больше трехсот лет. Маленькая, хрупкая, невероятно красивая, с молочно-белой кожей, зелеными длинными волосами и глазами синими, словно небесная лазурь. Я слышала сказки, что у русалок есть рыбий хвост, но так говорили лишь те, кто живет далеко от моря. У Ингрун – изящные ножки. Дети моря очень похожи на нас.

А еще они почти никогда не носят одежды, считают ее нелепой.

Она сидела рядом...

Невообразимо прекрасная, обнаженная.

Зачем он говорит с ней?

Я чувствовала, как сжимается сердце.

Она заманит его и уведет на морское дно. Что ей надо?

Но разве не об этом я должна мечтать? Чтобы она увела его навсегда? Чтобы он утонул. Умер.

Я слышала ее смех, чистый и легкий, словно серебряный колокольчик. А потом она заметила меня, махнула рукой, словно старой знакомой.

Я дернулась назад. Я готова была провалиться сквозь землю.

Нет, я не слежу за ними, это вышло случайно!

Но все еще слышала ее веселый смех.

Хотела тут же броситься бежать, но все же не удержалась, осторожно выглянула еще раз. Эрнан уже взбирался по тропинке вверх. Ко мне.

Облегчение на мгновение, потом паника.

Нет...

Я побежала.

Со всех ног, в платье, по высокой траве. Я понимала, что мне никуда не деться, я далеко не убегу. И совершенно не понимала, от чего я пытаюсь сбежать. Зачем? Я не сделала ничего плохого.

– Тиль! – он уже взобрался, я видела его. – Тиль, стой! Что случилось?!

Я не понимала. Но остановиться не могла. Бежать. Меня не должно было здесь быть.

И слезы...

– Тиль!

У меня подгибались ноги. Не было сил.

На какой-то кочке споткнулась, и едва не упала с разбега в траву, но Эрнан успел догнать, подхватить меня на руки. Я забилась было, пытаюсь освободиться. И тут же охнула. Нога! Как больно!

Тогда он осторожно посадил меня на траву, сам сел рядом.

– Что случилось?

– Нога очень болит... – тихо сказала я, закусила губу. Обидно и больно до слез.

– Болит? Давай посмотрю.

– Нет!

Почти паника.

Я попыталась было отодвинуться, дернуться назад, но он резко схватил меня за руку.

– Тихо. Я просто посмотрю. Главное, чтобы не сломала ничего. Если вывихнула, я могу вправить. Сиди спокойно. Я ничего плохого тебе не сделаю.

Он откинул юбку, снял туфлю с моей ноги.

Никаких возражений.

– Пошевели пальцами. Так, хорошо...

Он осторожно и вместе с тем очень уверенно прощупал ногу, сначала ступню, потом голень. Лодыжка чуть припухла.

– Сильно болит?

Я мотнула головой.

– Хорошо, – сказал он.

Помял пальцами еще немного, резко повернул, я вскрикнула, но даже почувствовала, как все встало на место. Стало лучше.

– Ничего страшного, – сказал он. – Так зачем ты убегала?

Я смутилась.

– Не знаю... я просто...

Что ему сказать, если я даже сама не понимаю?

– Что-то случилось? Ты искала меня?

– Нет. Я гуляла... я часто гуляю здесь... А потом увидела тебя и... и ее...

Кажется, я покраснела.

– Ее? – он удивился, потом ухмыльнулся так понимающе, что мне стало совсем нехорошо.

Ревность – вот что это. Я только сейчас смогла признаться сама себе, когда увидела это в его глазах.

Так не должно быть.

Он понимает лучше меня самой.

Я испугалась, что он сейчас скажет это вслух, или скажет еще что-то об этом, но он промолчал. Оставил мои чувства мне.

– Ладно, – сказал только. – Ты уж аккуратней в следующий раз. Придется снова нести тебя на руках, это уже входит в привычку.

Хотел было поднять меня, но я дернулась, попыталась отползти назад, вскочить на ноги.

– Не трогай!

Но не успела.

– Хватит. Сколько можно бегать, – он поймал меня, прижал к земле. Не больно, но очень крепко. – Перестань шараться от меня. Я и так ношусь с тобой, словно с ребенком, боюсь ранить твои чувства. Что опять?

– Не трогай меня... пожалуйста... Я боюсь.

Я не могла ничего с собой поделать. Было страшно. Когда он рядом, вот так, я...

Словно обжигало огнем.

Его глаза вспыхнули.

– Не трогать? Совсем? Чего я должен ждать, скажи мне? Свадьбы? Потом можно? Что-то изменится?

– Нет, – всхлипнула я. – Ничего не изменится.

Его лицо совсем близко.

– Чего ты хочешь, Луцилия? Ты думаешь, я просто отпущу тебя? И что дальше? Я скажу: «Ты свободна, иди куда хочешь!» Нет? Или ты ждешь, что я сам уйду? Верну тебе назад твою землю, заберу людей и уйду? Плюну на все, ради чего сражался? Так не бывает. Чего ты ждешь?

Злость в его глазах. Раздражение и злость.

Хотелось вжаться в землю, провалиться... умереть прямо сейчас, тут... Слезы катились из глаз.

Хотелось убить его.

– Ты пришел мстить, – сказала я. – Ты не успел отомстить отцу, но зато успел брату. Но разве я чем-то провинилась перед тобой? Что сделала я? Ты сломал мою жизнь. Я твой трофей. Игрушка без права голоса. И ты спрашиваешь, почему я бегу от тебя? Ты не понимаешь? Я тебя ненавижу!

На мгновение показалось – он сейчас ударит меня.

Я зажмурилась.

Но он отпустил.

Зашуршала трава. Он глубоко вздохнул и сел рядом. Долго молчал.

– Знаешь, – тихо сказал он, – было время, когда месть значила для меня все. Остальное просто не существовало. Я ненавидел твоего отца за то, что он сделал. Со мной, с моей семьей. Мне было пять лет, когда он захватил Воронье Гнездо. Он думал, что я все забыл, но я помню. Он убил моего отца, убил братьев. Он отрубил им головы, насадил на пики и поставил на стене. А тела скормил свиньям. Я не видел, что стало с моей матерью, знаю лишь, что она тоже умерла в тот день. Я слышал разное... Мы с сестрой, с Дайрэ, пытались спрятаться, убежали, забились под кровать. Но он нашел нас. Дайрэ было двенадцать. Была ли она виновата в чем-то? Я ведь даже толком не понимал, что он делал с ней, я был слишком мал. Я только слышал, как она кричала. Ей было больно и страшно. Она плакала. Просила отпустить ее... А потом, когда твой отец закончил, он встал и перерезал Дайрэ горло. Столько крови... Я забился в угол, меня никто не заметил. Я пролежал там до утра рядом с мертвой сестрой.

Эрнан сидел ко мне спиной, отвернувшись, я не видела его лица.

Я... я не знала...

Нет, кого я пытаюсь обмануть. Я, конечно, знала, что случилось тогда, просто никогда не задумывалась. Это было далекой историей, случившейся едва ли не до моего рождения. Не моей реальностью. Историей о победе, завоеваниях, славе и богатой добыче. Историей о чужих людях. Я знала правду, но видела ее не так. С другой стороны.

Эрнан с усилием провел ладонью по лицу, по шее, взъерошил волосы на затылке.

– Я мечтал отомстить, – сказал он. – Я представлял, как я приду сюда. Убью всех. И на глазах твоего отца я сделаю с тобой то же, что он сделал с моей сестрой. Чтобы он все видел, чтобы он понял – каково это. А потом я убью его тоже. Я представлял себе... Эта картина мести так распирала меня, что я ходил в бордели, и на месте каждой шлюхи я представлял тебя... и как ты будешь кричать, так же, как и они... – он глубоко вздохнул. – Потом я понял, что просто мальчишка и мечтаю совсем даже не о мести. Прошли годы, прежде чем я смог добраться сюда. Твой отец умер, а с Хаддином у меня были другие, особые счета. Мстить за то, что когда-то сделали с моей семьей, уже некому.

– А если бы отец был жив? – тихо спросила я.

Эрнан усмехнулся.

– Это ничего не изменило бы для тебя. Я просто убил бы его там, в Чертоге, вместе с Хаддином.

– Ничего бы не изменило... – повторила я. Села, подобрала под себя ноги. – А Хаддин? За что ты мстил ему? За то, что в детстве он издевался над тобой, за то, что пытался тебя бить?

– Пытался, – Эрнан фыркнул. – Он пытался бить меня, потом я бил его, потом меня бил твой отец, потом я приходил и бил Хаддина снова. Еще неизвестно, кому досталось больше. Нет, не за это. Это ерунда, за такое нельзя ненавидеть всерьез. Ты просто многое не знаешь о своем брате. О том, что он делал и собирался сделать. Если бы Оуэн не вмешался тогда, я убил бы Хаддина еще восемь лет назад.

– Оуэн... – у меня к горлу подступил ком. – Скажи, как это вышло? Только не ври мне... Не ври мне, пожалуйста. Уаткин, наш оружейник, видел, как ты стрелял. Ты хотел убить Хаддина, а попал в Оуэна? Так?

Эрнан повернулся ко мне.

– Нет. Я стрелял в Оуэна, но стрелял поверх головы. Две стрелы поверх головы, в дерево. Его убил не я.

– А кто? Ты знаешь?

У меня даже сердце замерло. Испугалась.

– Тиль, я спрашивал уже, дорога ли тебе память. Хочешь ли ты правду? Я могу рассказать, но нужно ли это тебе.

– Ты хочешь сказать... – у меня перехватило дыхание, все сжалось внутри. – Ты хочешь сказать, что это был Хаддин? Так?

Эрнан молчал.

Нет. Так не может быть. Хаддин мог многое, но не такое. Убить брата?

– Нет! Я не верю!

Эрнан покачал головой. В его глазах была пустота.

– Ты можешь не верить, Тиль. Когда-то я думал, что смогу вернуться и рассказать, доказать тебе, что все было совсем иначе, что я не виноват. Но сейчас я ничего не хочу доказывать. Мне все равно. Это ничего не изменит.

– Я не верю тебе. Хаддин не мог! Он не мог этого сделать...

– Конечно, не мог, – Эрнан вздохнул, поднялся на ноги, протянул мне руку. – Забудь. Пойдем лучше. Я отнесу тебя домой.

Я больше не стала вырываться из его рук. У меня все равно не было выбора.

Он взял и понес, вот так просто, до самого замка и потом через двор. Мимо страшных голов на стене. Все смотрели на нас, начиная от стражи у ворот, заканчивая знатными лордами, ожидающими аудиенции короля. Он кивнул кому-то, пообещал, что сейчас примет. Он так и шел со мной – босиком, в закатанных до колена штанах, спокойно, невозмутимо.

Это мне было неловко, я пыталась спрятаться, уткнувшись ему в плечо. А ему все равно.

Далеко, и по лестницам. Уже в замке я почувствовала, что ему тяжело. Он не бессмертный демон, не знающий усталости, а всего лишь человек. Он, конечно, силен, но у всего есть свой предел. И это даже немного радовало. Просто человек.

Его руки бережно обнимали меня.

Даже не знаю, что я чувствовала. Это было так странно.

* * *

– Ты уже слышала? – Флир прибежала вечером, вся такая розовая и взволнованная, села на край кровати.

– Слышала что?

Я лениво потянулась, так и провалялась весь день, наступать на ногу было больно.

– О-о! – Флир радостно заулыбалась, она первая может рассказать свежую сплетню. – Ты слышала, что наш король собирается драться и с Тоуром тоже?

«Наш король» – резануло слух. Здесь он пока еще не король, хотя распоряжается уже как у себя дома.

– Что? – Мне показалось, я неправильно поняла. – Драться с морским царем? Что это значит?

– Да, – Флир энергично кивнула. – Ему жалко золота, а может, жалко девственниц, или и того и другого сразу. Зачем отдавать, если можно оставить себе? Он нашел договор, по которому девушек и золото можно заменить юношами, если только эти юноши смогут победить десять морских демонов. Он ищет добровольцев. Там такая шумиха поднялась.

Скоро день весеннего солнцестояния, день Тысячи Цветов, когда по традиции мы приносим дары морю, чтобы кораблям и рыбакам сопутствовала удача. Вино, золото и десять прекрасных невинных девушек, которым суждено стать наложницам Тоура, а потом, возможно, и женами кого-то из высоких вельмож. Через год девушки имеют право вернуться, но не возвращаются почти никогда.

Эрнан решил все переиграть?

– А разве демонов можно убить?

Я видела их – огромные дикие чудовища из свиты Тоура. Разве кто-то по доброй воле решится выйти против них? Это самоубийство.

– Наш король говорит, что можно. – Глаза Флир взволнованно блестели.

Я чувствовала, ее увлекают эти игры, возбуждают. Она хочет зрелищ.

– Раз он считает, пусть сам и выходит драться, – буркнула я.

– Да-да! Он и собирается выйти. Но, по правилам, нужно еще девять. Кое-кто из его рыцарей, из тех, что пришел с ним, уже готов. Киар, сын лорда Йоса, Лохан и еще... как же? Такой высокий красавец с длинными волосами, из Сатора, говорят, в бою ему нет равных.

Эрнан собирается выйти сам? Это безумие.

Ради чего?

Мне стало страшно.

– И что, Тоур уже согласился? – осторожно спросила я. – Зачем ему это надо?

– Зачем надо – не знаю, – Флир пожала плечами. – Но король уже обо всем договорился.

Глава 5

На Ингрун было ожерелье моей матери. Слезы моря. Я видела его всего несколько раз, отец показывал мне, обещал подарить, когда я буду выходить замуж. Оно одно стоило целого состояния. Невероятной красоты сверкающие камни цвета морской волны, белое золото, как белая пена.

А теперь я видела ожерелье на Ингрун.

Сердце сжималось. Это Эрнан отдал ей? В тот день, на берегу? Я хотела спросить, но все никак не могла решиться.

Ингрун сидела рядом с отцом на высоком помосте, выстроенном прямо в воде. На ней была лишь тонкая, почти прозрачная туника, ничуть не скрывающая изгибы тела, длинные волосы волнами струились по плечам. Все мужчины, все рыцари Эрнана смотрели только на нее.

Я сидела на другой стороне, у скалы, в резном кресле под навесом.

Исар – морской принц, сын Тоура и брат Ингрун, обсуждал сейчас с Эрнаном детали предстоящего действия. Они уже осмотрели сундуки с золотом, кувшины с вином, и девушек, которые предназначались морскому народу. Я не слышала, о чем они говорят, видела лишь, что Исар злится, что-то не нравится ему. А вот Эрнан выглядел совершенно спокойным.

Мне даже показалось – он передумал. Сейчас отдаст положенную дань, перед нами выступят певцы и танцоры, потом начнется пир, и этим закончится все, как обычно. Никакой битвы. Разве что игры, не до смерти, а до первой крови.

За моей спиной рыцари нетерпеливо переминались с ноги на ногу, уже готовые кинуться в бой. Все они были совсем молоды, горячи, всем хотелось подраться. Все они пришли с Эрнаном и никогда не видели демонов в настоящем бою. Они спорили, кто будет первым и кто убьет больше, смеялись.

А вот я видела демонов в бою, однажды, когда отец пытался отказаться платить. Нет, они смертны, их можно убить. По ним стреляли огненными шарами из катапульт, весь берег был усыпан телами... Но каждый из демонов на голову выше человека, сильнее и быстрее. Один на один не справиться. Они убивали людей сотнями. Я не могла представить, на что Эрнан рассчитывал, кто из его рыцарей достаточно силен?

Демоны стояли за спиной Тоура черной стеной.

Тоур откровенно скучал.

А вот Ингрун сидела прямо и напряженно, сцепив пальцы. Она тоже волновалась.

Наконец, Исар махнул рукой и направился к отцу. Потом долго говорил ему что-то, Тоур равнодушно слушал, лишь изредка хмуря брови.

Потом подозвал Эрнана.

– Подойди сюда! – Его голос, словно раскат грома. – Мой сын утверждает, ты хочешь обмануть нас.

Так подзывают мальчика-слугу, но не короля.

Эрнан подошел, ему пришлось влезть в воду почти по колено, чтобы забраться на помост.

Тоур долго смотрел на него, разглядывая, изучая, словно стараясь что-то обнаружить.

– Я не вижу на тебе магии, – сказал он. – Но ты же не настолько глуп, чтобы рассчитывать в одиночку победить десять моих воинов?

– Нас тоже десять! – крикнул кто-то из-за моей спины.

Я видела, что Эрнан усмехнулся.

– Твои боевые петушки чего-то не понимают? – удивился Тоур. – Ты не объяснил им правила?

Эрнан повернулся к нам, поднял руку.

– На поединок выходят двое, – громко сказал он. – Битва до смерти, тяжелораненых добивают. Победившим считается выживший. Против него выходит следующий противник. И так, пока на какой-то из сторон не закончатся бойцы. Все просто.

– Тот, кто выходит первым, должен победить десятерых или умереть, – сказал Тоур. – Первый почти всегда смертник.

Эрнан улыбался.

– Я ведь имею право выставить любого? – сказал он, и Тоур кивнул. – Тогда не вижу причин, по которым не могу выйти сам.

– Я не верю ему, – сказал Исар.

Роптание за моей спиной. Кажется, молодые рыцари начали что-то понимать.

И я тоже. Его убьют сейчас, на моих глазах.

Закружилась голова.

Я ведь должна этого хотеть? Я сама пыталась его убить.

На что он рассчитывает? Я могу поверить, что Эрнан сможет выстоять против одного демона. Он ловок и силен, он хороший воин. Если действительно Ингрун спасла его, то и с демонами он мог быть знаком достаточно хорошо, знать их сильные и слабые стороны.

Но десять подряд!

Я видела, как пальцы Ингрун впились в подлокотники кресла. Она тоже боится? Она знает больше меня?

– Начнем? – сказал Эрнан.

– Снимай все, – сказал Исар. – Я хочу посмотреть.

– Хорошо, – Эрнан пожал плечами, он был готов к такому повороту. Снял куртку, рубашку, снял сапоги. – Штаны тоже снимать? Думаешь, я засунул кольцо в задницу? Думаешь, от него там будет польза? Хочешь проверить?

Я даже отсюда видела, как Исар побагровел, как гнев и раздражение захлестывают его. Эрнан издевался над ним, но Исар не мог понять, в чем подвох и что следует с ним делать.

– У тебя медальон на шее, снимай.

Эрнан снял, подержал на ладони, подошел к Ингрун.

– Пусть побудет у тебя, – сказал он. – Сохрани его, он мне дорог.

Ингрун поджала губы. Я неожиданно поняла, что она тоже злится. Рука дрогнула, она взяла медальон осторожно, словно это была ядовитая змея. Что не так?

– Дай руку, – велел Исар, вытащил нож.

– Хочешь убить меня сразу?

– Давай!

Эрнан протянул ему левую руку, Исар крепко взял его за запястье, провел по предплечью острием ножа. Тонкая красная полоса осталась под лезвием, выступила кровь.

– Ну? Хватит? – холодно спросил Эрнан.

Исар молчал.

– Начинаем! – грянул грозовой голос Тоура. – На поле!

Эрнан прыгнул с помоста, вышел на узкую прибрежную полосу. Ему принесли меч и длинный кинжал. Я видела, Исар дернулся было, наверно, оружие тоже хотел осмотреть вблизи, но Тоур остановил его.

Затрубили трубы.

Пути назад нет.

Победить десять демонов или умереть.

Мне хотелось закрыть глаза и ничего не видеть. Хотелось убежать, спрятаться. Но я уже не могла. Весь мир сжался до двух фигур на песке.

Эрнан ждал.

Он смотрел, как демон выходит вперед, разминая плечи, как берет огромный, чуть искривленный на конце меч и круглый щит в другую руку. Идет на него. Движения демона – словно движения воды, плавные, тягучие, он катится, словно гигантская волна. Неумолимо. Эрнан чуть отступает, назад и вбок. Волна надвигается. И они кружат. Терпение демона безгранично, это стихия – неумолимая, бесстрастная, так может продолжаться вечно.

Эрнан спокоен. Он идет круг за кругом, так же плавно... вода... нет, словно рыба в воде.

Один рывок. Словно прыжок из воды! Эрнан бросается вперед, подныривая под волной. Вперед и в сторону. И прежде чем ответный удар успеваешь обрушиться на него, острием меча рубит демона по ногам. Демон ревет, пытается сделать шаг, замахнуться снова и падает. И Эрнан уже успевает подскочить к нему со спины. И с разбегу всаживает в него меч, а потом кинжал в горло.

Все кончено.

– Один есть! – Эрнан салюрует поднятым мечом. – Давай следующего.

Я слышу радостные крики за спиной. Это кажется так просто.

Еще девять.

Но следующий демон куда осмотрительнее. Его так просто уже не возьмешь, и он готов к внезапным рывкам. Он отбивает, парирует удар, и сам бросается в атаку. Эрнан уклоняется. Он уходит, словно танцуя, стараясь не сталкиваться с

демоном напрямую. Демон чудовищно силен, его удар выдержать нелегко. И только раз Эрнан принимает удар левой рукой, кинжал с визгом ломается под таким напором, меч демона задевает ему ладонь. Резкий выпад, и правой Эрнан вгоняет меч демону под ребра. Отскакивает назад.

Демон качается и падает навзничь.

– Второй! – Эрнан салютует мечом.

На песок капает кровь.

– Где ты научился так драться? – спрашивает Исар.

– Меня учил Айнар, как и тебя.

Я не знаю, кто это, но Исар знает, скрипит зубами. Это многое объясняет для него.

Эрнан утирает пот, встряхивает головой.

– Можно перевязать руку? – спрашивает он. – Крови много, рукоять выскальзывает, неудобно.

– Перевязать? – Исар медлит. – Неудобно тебе?

– Да. Или ты считаешь, что я ранен достаточно тяжело, чтобы меня сразу добить? – Эрнан смеется.

– Хорошо, – нехотя соглашается Исар.

И тогда к Эрнану подбегает мальчик с кувшином воды и с бинтами, быстро промывает, заматывает. Этот мальчик... я где-то уже видела его. Он не оруженосец и не слуга. Нет, что-то другое.

Исар следит так пристально, словно чувствуя подвох, он едва ли не сам сует нос, проверяя бинты.

Эрнан рассматривает повязку, шевелит пальцами, сжимает и разжимает их.

– Отлично, – говорит он. – Теперь давай третьего!

– Он сейчас всех перебьет, нам не достанется, – слышу смех за спиной.

У него нет выбора. Если достанется им, значит, Эрнан умрет.

Мне страшно.

Но он убивает третьего, потом четвертого. И я начинаю думать, что все еще может закончиться хорошо, когда понимаю, что Эрнан устал, пока еще не слишком сильно, но до конца далеко. Он двигается медленнее и не всегда уже успевает ускользнуть из-под удара, парировать все тяжелее. Спина блестит от пота.

Пятый демон с двумя мечами гоняет Эрнана по полю из конца в конец. Сталь в его руках сверкает, словно молния, словно лопасти бешеной ветряной мельницы. К демону не подойти. Эрнан едва успевает защищаться, отбивается, и вдруг очередной взмах выбивает меч из его рук, тот отлетает, втыкаясь в песок.

Я не успеваю толком разглядеть, что происходит, но Эрнан бросается на демона с одним кинжалом, зажатым в левой руке, пригибаясь и изворачиваясь так, что кажется невероятным, и темнеет в глазах. Мне даже кажется, он пропускает удар в бок и хватает за лезвие голыми руками, дергая и выворачивая, и тут же вгоняет кинжал демону в глаз. Тот дико ревет, заваливается на бок, едва не подмятая Эрнана под себя, но Эрнан успевает отскочить в сторону.

– Стоять! – орет Исар. – Что это было?! Ты что делаешь?

– Что? – Эрнан тяжело дышит, стоит над поверженным демоном, согнувшись, упершись ладонями в колени. – Я его убил. Еще пять.

– Покажи руки!

Эрнан смеется, поднимает руки ладонями вперед, и на ладонях кровь.

– Да, я поймал за лезвие. Ты так не умеешь? – В его голосе ясно слышна издевка.

– Он ударил тебя в бок! Но ничего нет.

– Он промахнулся. Ты можешь что-то доказать? Или просто придираешься ко всему подряд?

Исар долго молчит, супит брови.

– Если я поймаю тебя на лжи, то убью собственной рукой.

– Договорились! – соглашается Эрнан.

Пять. Еще столько же.

С шестым все кажется довольно легко. Долго, но легко. По крайней мере, так выглядит со стороны. Они ходят кругами, скорее присматриваясь, чем нападая, несколько единичных выпадов, пробуя силы, и вдруг короткая атака, и Эрнан широким замахом сносит демону голову.

А вот седьмой демон просто страшен. Он выскакивает на поле стрелой и тут же бросается в бой, Эрнан едва успевает подготовиться. Едва успевает отбивать яростные атаки, отступает. Он и так уже сильно устал, выдерживать напор не хватает сил.

У меня замирает сердце.

Я слышу лишь звон мечей, и он сливается в один непрерывно-долгий звук, мне кажется, это никогда не закончится. Мне страшно. Демон загоняет Эрнана в воду и заставляет отступать все дальше, все глубже. Человеку в воде двигаться намного сложнее, прибой сбивает с ног, ничего не стоит поскользнуться на мокрых камнях.

И вдруг... Эрнан падает? Или делает это сознательно? И вместе с волной он проскальзывает за спину демона и, еще не успев вскочить, бьет по ногам. И демон падает на него всем своим весом. Я почти не вижу, что происходит. Брызги, мелькают руки и тела, я ничего не понимаю. Потом я вижу спину

демона, мне кажется, он пытается Эрнана утопить. Так долго держит. Я сама уже почти не дышу. Понимаю, что вскочила на ноги, еще немного, и побегу к ним...

Держит...

Демон прижимает Эрнана к земле, мне кажется, тот уже перестал дергаться.

Долго.

Холодеют руки.

Я вижу, как Ингрун напряженно вытягивается, как широко улыбается Исар.

Нет.

Нет-нет-нет!

Не может быть.

Демон все еще держит его.

И вдруг всплеск, что-то сверкает, и демон падает. И по воде расплывается кровь. И еще удар. Я почти не понимаю, что происходит.

А потом Эрнан встает. Шатаясь и кашляя. Он едва стоит на ногах, почти выползает, садится на песок.

У меня подгибаются ноги. Все хорошо. Он жив, все хорошо.

Но только впереди еще трое.

– Живой? – спрашивает Исар.

Эрнан поднимает меч на вытянутой руке, ответить не хватает дыхания.

– Тебя что, и утопить нельзя? – удивляется Исар, усмешка и издевка разом. – Умеешь дышать под водой?

Эрнан качает головой.

– Утопить как раз можно, – хрипло говорит он. – Он плохо старался!

– Так ты признаешь?

– Я дерусь честно! – Эрнан тяжело поднимается на ноги. – Следующего! Я готов.

Я падаю в кресло. Щиплет глаза, слезы катятся, я ничего не могу сделать. Я не могу смотреть. Закрываю лицо руками.

Еще три.

Слышу звон мечей. Рев демона и звон. И еще шорох прибоя. Эрнан дерется молча.

Почти не понимаю уже, что происходит.

У меня кружится голова.

Визг, словно лопнувшая струна, и в руках Эрнана только обломок меча. И демон не останавливается.

Я крепко зажмуриваюсь, мне кажется – это конец.

А потом грохот упавшего тела в тишине.

И Эрнан стоит. В его руках огромный тяжелый меч демона. Кругом кровь.

Я не понимаю, как он это делает.

Мне кажется, минула целая вечность. Всю мою жизнь длится этот бой и никогда не закончится. Невозможно...

Но и девятого он убивает тоже.

Стоит, покачиваясь, лицо в крови... из носа течет кровь.

– Я видел, как он достал тебя несколько раз, – говорит Исар. – Он чуть не сломал тебе ребра и спину, должен был сломать. Ты должен быть ранен. Разрублен пополам. Ты должен быть мертв! Это обман!

– Просто твои демоны слабаки! – Эрнан откровенно ржет. Кровь стекает по подбородку и капает на грудь, он переступает с ноги на ногу, пытаясь удержать равновесие, его шатает. – Давай последнего, и хватит уже!

– Последнего?! А если я тоже решу, что могу выставить любого? Если я сам выйду и убью тебя?

– Ты не можешь, – говорит Эрнан, широко улыбается, и эта улыбка почти ужасает. – Ты не можешь никого никуда выставить. Это решаешь не ты.

Исар шипит что-то сквозь зубы, оглядывается на отца.

– Сядь, – говорит Тоур.

Я плачу.

Это безумие.

Он едва стоит на ногах, и то, опираясь на меч, словно на палку.

Как можно драться? На что можно рассчитывать?

Но демон выходит, и Эрнан дерется снова. Словно в первый раз. Он держит меч двумя руками, одной не выходит, не хватает сил. Но рубит так отчаянно.

Словно в последний раз.

Словно он и правда бессмертен.

Словно...

Напролом.

Даже я вижу, что увернуться он не успевает, удары сбивают его с ног, отбрасывают... Но ему все равно. И двумя руками вгоняет клинок в грудь демону.

Все кончено.

Толпа у меня за спиной взрывается криком: «Он победил! Наш король! Победа! Ура!»

Король поворачивается к Тоуру. Ждет. Если морской царь не признает победу, если усомнится – все зря.

Это должно быть произнесено.

Тоур встает.

– Ты победил, – громко объявляет он.

Исар еще пытается возразить и что-то доказать, но это больше ничего не значит.

Эрнан падает сначала на колени, потом заваливается на бок. Силы закончились. Перекатывается на спину, глядя в небо.

Но его уже подхватывают.

Победил.

Невозможно.

Я почти забыла, как сильно ненавижу его.

* * *

– Ты волновалась за меня? – Он лежал с закрытыми глазами, раскинув руки, и улыбался. – Волновалась? Я видел, ты плакала.

– Плакала с горя, что тебя никак не убьют, – фыркнула я.

И он заулыбался еще шире.

– Если бы меня убили, то забрали бы тебя. Как им такое позволить?

От него пахло вчерашним вином и потом. Он напился, лишь только немного пришел в себя после боя. Еще там, у моря. Они праздновали победу. Я видела, как двое рыцарей тащили его наверх. Он проспал весь вечер, всю ночь и большую часть дня. А потом я не выдержала и пришла к нему сама. Я должна была...

Я хотела поговорить.

Он валялся в кровати, я села рядом... было как-то неловко.

– Ты просто пьян.

– Нет, я уже слегка протрезвел, – он приоткрыл один глаз. – Голова трещит. Я пообещал им тебя. Ты же видела, девушек было девять?

– Что?!

– Иначе Исар не соглашался. Но против тебя он не смог устоять.

Я не верила своим ушам. Хотелось взять и убить его. Он издевается? Это правда? Сколько было девушек – я не считала.

– Как ты мог?

– А что? Чем ты хуже или лучше других? Юная девушка, невинная и прекрасная, – он довольно хрюкнул, засмеялся было, но тут же вздрогнул, замер, словно прихватило где-то. – Ох... Я подумал, что каждый рыцарь должен сражаться за прекрасную даму. Если на поле выходит король, то сражаться ему нужно за свою королеву. Справедливо?

– Ты ненормальный.

– Да, – согласился Эрнан. – Но если серьезно... – он открыл глаза и приподнялся на локтях. – Если серьезно, Луцилия, тебя забрали бы только в случае моей смерти. Я говорил с Ингрун, она проследила бы, чтобы с тобой обращались хорошо, как подобает. Чтобы никто не посмел тебя обидеть. Всего год, и вернулась бы, словно ничего не было. А вот как ты себе представляешь, что будет с тобой тут, если я умру? Ты станешь королевой? Кто поддержит тебя? Причем сразу, в первые дни? У тебя есть верные надежные люди, готовые тебя защищать? Стервятники устроят драку, и ты для них лакомый трофей. Побороться за трон можно чуть позже, отсидевшись в безопасности, собравшись с силами. Хотя даже так – ты не первая в очереди.

– Хочешь сказать, ты думал обо мне? – я не верила ни одному слову.

– В первую очередь я думал о своих интересах. Мне это на руку. А уж только потом – как не поставить под удар тебя. В море не так уж плохо, я полтора года жил там.

Я выдохнула.

– Тебя спасли русалки? Тогда...

– Да, – он снова упал на спину, лег поудобнее. – Между прочим, я первый король за последние триста лет, который отказался платить Тоуру и остался жив.

– Мой отец тоже пытался, – тихо сказала я.

– Пытался. Это два года назад? Когда демоны чуть не взяли город? Ну, и что он выиграл? Сотни убитых. И золота отдал в итоге вдвое больше, да еще, я смотрю, ожерелье своей жены подкинул. Что толку? Тоура силой не взять. Надо умом.

Тоур стар и любит зрелища, ему нужно всего лишь подыграть.

Отец сам отдал Слезы Моря? Это невозможно...

– Ты взял хитростью? Обманул его?

– Обманул? – Эрнан засмеялся. – Никто ничего не может доказать. Все видели, но никто не может сказать наверняка. Тоур признал мою победу. Что еще надо?

– Ты лжец! Это все представление! Тебя не могли убить, ведь так? Это все... Я так...

– Ты волновалась за меня? – он был доволен. – Ради такого я готов выйти снова.

– Снова! – я вскочила, схватила первое, что подвернулось под руку, вазу со стола, и запустила в него. – Сукин сын!

Он успел закрыться, подставить локоть. Ваза разлетелась об него вдребезги.

– Принцесса, – Эрнан почти осуждающе покосился на меня, – води себя прилично. Между прочим, я сохранил кучу денег для казны. Не знаю, считаешь ли ты достойной спасения невинность десяти простых девушек... но деньги нам нужны и вино тоже. Пригодится для коронации. Ну и заодно заслужил немного народной любви.

– Я чуть с ума не сошла! Я думала, тебя убьют! – это вырвалось само. Я до сих пор еще не могла прийти в себя.

– Не волнуйся, принцесса, – сказал он. – Все в порядке.

Эрнан лежал на спине, закрыв глаза. Неподвижно.

Что из всего этого было правдой? Я видела кровь вчера. Видела, как ему тяжело, как он устал. Или это тоже игра? Так невозможно сыграть!

Но ему ничего не угрожало?

Левая ладонь все еще замотана, на повязке засохшее бурое пятно. Правая... а вот на правой ничего нет.

Глава 6

– Помогите! – Она выскочила непонятно откуда и бросилась к моим ногам. – Помогите, прошу вас, ваше высочество!

Я испугалась. Никогда еще никто не пытался обращаться ко мне.

И никого рядом. Если бы хоть Флир, она могла бы что-то подсказать.

– Помогите! – женщина плакала. – Выслушайте меня!

Худая, страшная, в грязных лохмотьях, седые волосы взлохмачены, торчат в стороны. Я попыталась отступить, но она ползла за мной, желая, кажется, поцеловать ноги.

Как она оказалась здесь? Кто пустил?

– Ваше высочество! Только на вас вся надежда! Матушка наша, кого же еще, как ни вас, просить! Кто же еще заступится за нас, несчастных!

Что мне делать?

– Что случилось? – сказала я осторожно. – Чем я могу помочь?

– Родная наша, милая наша... да кто ж кроме тебя? Помираем мы совсем! Совсем житья не стало! И так эти вороны проклятые все вынесли, разграбили, до последней крошки из домов вынесли! Ничего не оставили! Отца убили, девочку мою убили! Осталась я с пятью малыми детками! Кушать нечего! Ни одной корочки, ни одного зернышка не осталось! Матушка, милая, помоги нам! Все порем скоро... Матушка...

Она ползла за мной на коленях. Я отступала. Но что я могла сделать?

Что ей сказать? Чем я могу помочь?

Дать ей хлеба? Нужно позвать кого-то, чтобы принесли? Конечно! Пусть принесут...

Что...

Она пыталась уцепиться за мои ноги, и мне было страшно.

Мне было жаль ее. Я готова была расплакаться вместе с ней. Но я не понимала, что делать.

– Чем мне помочь? – пыталась спросить я.

Женщина лишь завывала громче.

– Что? Мне дать тебе еды? Да? Я сейчас попрошу, и мне принесут...

Слезы подкатывали к горлу. Почти паника.

Еще немного, и я бы сама бросилась бежать.

– Помираем мы! – выла женщина. – Все эти вороны проклятые! Только вы...

Я озиралась по сторонам, надеясь, что хоть кто-то увидит и подойдет, поможет мне. Что делать? Где-то же должны быть слуги? Стража? Так не бывает, чтобы вокруг никого!

Эрнан.

Я почти обрадовалась, увидев его.

Не такой помощи я ждала и все же на мгновение испытала облегчение.

Он быстро шел по аллее, почти бежал ко мне. И двое замковых стражей едва поспевали за ним.

Лишь на мгновение...

– Пошла вон! – рявкнул он издалека, так, что даже у меня сердце ушло в пятки, я чуть не бросилась бежать. И потом своим: – Взять ее!

– Нет! – я кинулась было, пытаюсь преградить им путь. – Не трогайте ее!

Женщина затряслась в ужасе, вскочила на ноги, но не успела.

– Убивают! – заголосила она. – Убивают, изверги! Деточки мои, сиротки...

Ее уже схватили под руки.

Меня оттеснили в сторону.

– Допросить, кто провел сюда, и выкинуть за ворота, – велел Эрнан.

– Не трогай ее! Это просто несчастная женщина!

Я готова была сама броситься перед ним на колени. Что он сделает с ней?

– Не лезь, – холодно сказал Эрнан. – Это не твое дело.

– Мое! Она пришла ко мне за помощью!

Стражники уже волокли женщину прочь. Она попыталась было вырваться, но ее ударили по лицу.

Эрнан равнодушно смотрел на это.

– Чего она хотела?

– Помощи! – у меня слезы наворачивались на глаза. – Немного еды. Они голодают!

– Все голодают, – сказал Эрнан. – И с этим пока ничего не поделать. Я уже говорил тебе: амбары пусты, дороги слишком опасны, торговли нет.

– Они умирают! Как ты можешь?!

– Могу что? – он холодно смотрел на меня сверху вниз. – У меня нет средств, чтобы накормить каждого.

– Это же из-за тебя! Война, которую ты устроил!

– Да, из-за меня, – согласился он. – Это неизбежно. Ты хочешь, чтобы я расчувствовался и пустил слезу?

– Неужели тебе все равно?

– Мне не все равно, – сказал Эрнан. – Но сейчас я ничего не могу сделать. У меня нет возможности помочь всем. Помогу ей, и тогда придут другие.

– Хотя бы ей! Хоть кому-то! Она пришла за помощью ко мне!

– И какую помощь ты можешь ей оказать? – Почти насмешка.

Я...

Что я могу?

Я всего лишь пленница.

Задрожали губы.

– Я могла бы поделиться с ней едой, – сказала чуть слышно, голос внезапно подвел.

– Имбирным печеньем? – Эрнан криво ухмыльнулся. – Медовыми орешками? Фаршированной муреной?

У меня вспыхнули щеки.

Как он может!

Я...

«Бобы с луком – неплохой вариант, дешевый. Жизнь научила меня ценить даже сухие лепешки». Это воспоминание так и встало у меня перед глазами. Сама я не заметила разницы, для меня готовили так же, как и обычно, я не задумывалась... А вот Флир жаловалась мне, что пропали эосские конфеты, что апельсины, которые всегда лежали у нее в комнате, теперь приходится выпрашивать по одному, что перепелок стало меньше...

А в городе дела совсем плохи.

– Да хоть печенье! – обиженно сказала я. – Все, что у меня есть. Пусть все это раздают голодным. А я тоже буду есть бобы и тушеную капусту!

– Принцесса... – Эрнан нахмурился было, но все же, не удержавшись, засмеялся. – Какой же ты еще ребенок, Тиль! Никто не отбирает твое печенье, ешь спокойно. Уж одну принцессу мы как-нибудь прокормим. Но в городе не одна голодная девочка, там тысячи. А с тысячами все не так просто.

– Но ведь я могу что-то сделать?

– Ты? – он все еще улыбался. – Ты можешь, например, взять свои драгоценности, продать их и купить хлеб для бедных.

Продать драгоценности? Но разве... Мне было сложно такое представить. Дойти до такого?

– Все так плохо, да? – спросила я.

Эрнан вздохнул, чуть ухмыльнулся.

– Знаешь, Тиль, когда я смотрю на то, сколько должна корона, мне начинает казаться, что твой отец сам отравился от безысходности.

Так плохо.

– Ты же не отдал золото Тоуру? Там было много!

– Я раздал свои долги. Расплатился с большей частью наемников, которые пришли со мной, распустил их по домам. Но многие остались, и я все еще должен их кормить.

– Наемники... Они тебе дороже, чем...

– Да, – согласился он, – дороже. Я обязан им всем. Эти люди пошли за мной, сражались за меня, умирали за меня, и я должен выполнить свою часть договора. Да, часть людей пошла за мной, потому что это их долг, и я их сюзерен. Но Лохленн – бедная земля, достойных рыцарей там всегда было мало. Часть людей поддержала меня, рассчитывая получить что-то взамен. Лорд Йос, например, получил Белый Зубец и земли вокруг, лорд Миран – Альтаэль и ссуорские виноградники. А часть пошла просто за деньги. Победа стоит дорого. А знаешь, что будет, если не заплатить, и толпы обиженных наемников разбредутся по стране, в надежде так или иначе получить свое?

Я поджала губы.

Надо что-то решать.

– Хорошо, я продам драгоценности.

Кажется, Эрнана это позабавило.

– Не спеши, Тиль. Ты еще успеешь.

– Я хочу помочь.

– Удивительно, – он склонил голову набок, разглядывая меня, – ты ничуть не изменилась за эти годы. Совсем. Ты как была маленькой девочкой, так и осталась. Мне казалось, прошло столько лет, для меня самого все перевернулось с ног на голову. Но ведь для тебя не изменилось ничего. Твоя жизнь осталась прежней.

– Не правда, – сказала я. Больно кольнуло сердце. – Для меня тоже все изменилось. Я потеряла всех, кого любила, кто был мне дорог. Отца, брата, маленького племянника. У меня теперь никого нет. Я пленница в собственном доме.

Что-то дрогнуло в его лице. Так неуловимо, но... Я видела боль в глазах. На какое-то мгновение мне показалось, что все вернулось, нет этих восьми лет. Вот он стоит, и у его ног лежит арбалет. «Это не я, Тиль! Не я убил его!»

– Нарин... – тихо сказала я, и он дернулся, словно от удара. – Ты даже не представляешь, как я ждала тебя. Ты был героем моих детских мечтаний. Но теперь...

– Теперь ты не рада, – глухо сказал он. Даже не вопрос, и так ясно.

Я кивнула.

– Все изменилось, Нарин. И уже никогда не будет прежним. И для меня тоже.

* * *

Мы ловили кузнечиков в траве. Я поймала шесть, а Нарин пятнадцать. Давно. Кажется, тысячу лет назад, и все это было не со мной. Отец уехал на охоту, нянька уснула, я тихо выбралась из комнаты и отправилась гулять. Заглянула к Нарину на конюшню, как же иначе, он был моим лучшим другом.

Он казался взрослым, на целых пять лет старше меня.

Я и сама себе казалась взрослой.

Мы мечтали убежать далеко-далеко. На край света.

Или хотя бы в город для начала. Посмотреть, как там.

В город меня не пускали, я была принцессой и могла это понять, ведь никогда и никуда не ходила одна. А с няньками разве интересно? С няньками и не увидишь ничего. Но самое странное, Нарина не пускали тоже. Тут, на лужайке за садом – другое дело. Здесь нет чужих, и никуда не убежишь, кругом море, небольшой пятючок зеленой травы, дикие вишни, а дальше обрыв, с другой стороны – высокие стены крепости Облачной Нит. Никуда не деться. Разве что броситься в море с высокой скалы.

Нарин прыгал. С разбегу, раскинув руки, словно птица. Он летел далеко и нырял, теряясь в волнах. Он ничего не боялся. Он даже до города тайком добирался вдоль берега, а потом возвращался, карабкаясь на скалу. Главное – не попасться на глаза страже. Я боялась, что однажды он убежит совсем.

Боялась, что меня заберут, и я больше никогда не увижу...

К отцу приезжали важные люди из Фаннара, едва ли не впервые отец просил меня выйти к гостям. Меня одевали полдня, завивали, причесывали, заставили надеть ужасные узкие туфли. Потом просили спеть для них и сыграть на кифаре. Я ужасно боялась и почти ничего не понимала от страха, запиналась, у меня дрожали руки. Но отец сказал, что я очень понравилась этим гостям и что, когда вырасту, меня выдадут замуж за Фаннарского принца.

Я не хотела этого принца. Не хотела ни в какой Фаннар.

– Не бойся, – говорил Нарин. – Мы с тобой убежим!

Мы лежали в траве, над морем, раскинув руки, глядя в небо. Кузнечики стрекотали на разные голоса, шумел прибой.

– Ты будешь моим рыцарем! Как Ришарт, Победитель Драконов! Ты прискачешь на волшебном летающем коне и спасешь меня! Унесешь далеко-далеко!

Он смеялся.

– Обязательно прилечу! Я не оставляю тебя здесь одну.

Конечно, у него не было волшебных коней, только обычные, с нашей конюшни. Он не мог прилететь. Он не был рыцарем и, как казалось, никогда бы не мог им стать. Он убирал стойла, чистил и кормил лошадей. Вряд ли представлял тогда, как все обернется. Хотя, в отличие от меня, Нарин всегда знал, что он последний принц Лохленна. Всегда помнил, кто он.

Я не знала. Это были всего лишь детские игры.

Я сплела колечко из травы, очень серьезно надела ему на палец.

– Носи его всегда, – сказала я, – и никогда не снимай. Это будет твой талисман, он будет охранять от любых бед, с тобой ничего не случится. И ты всегда будешь помнить обо мне. Хорошо?

– Обещаю тебе.

Нарин осторожно поцеловал меня в щеку.

У него были огромные серые глаза, веснушки на носу и непослушные черные кудри. Мне казалось – он самый лучший мальчик на свете.

* * *

Я снова чувствовала себя девочкой, которую просили спеть для гостей. И пусть я в этот раз не пела, но гости так же придирчиво разглядывали меня. И приехали они за тем же самым.

Когда я пришла, они уже сидели на открытой веранде над морем, и, судя по всему, переговоры шли не очень успешно.

Эрнан быстро поднялся, увидев меня.

– Луцилия! Рад, что ты зашла, – сказал он, но в голосе радости не было ни капли. Было лишь плохо скрываемое раздражение. – Не садись, я просил заглянуть

лишь для того, чтобы поздороваться с нашими гостями. Это Римано Тьюр и Адаль-ин-Дидар из Тааракара.

Гостей было двое, и кто из них кто, я не знала. Один – невысокий худой старик с маленькой бородкой, в яркой шелковой тунике и таких же ярких штанах. Толстая золотая цепь на шее. Он так смотрел... как на товар на рынке, никто еще не позволял себе такого. Словно раздевая меня глазами. Как он смеет? Захотелось спрятаться. К счастью, Эрнан подошел и встал между нами, немного закрывая.

– Она выглядит вполне неплохо, – сказал второй, молодой, крепкий, слегка косоглазый, я не могла толком понять, куда он смотрит, и это смущало даже больше, чем пристальный взгляд старика. – Девственность не слишком принципиальна. Вы, конечно, заплатите нам компенсацию, но в целом нас все устраивает.

Я видела, как Эрнан позеленел.

И даже не сразу поняла, что это говорят обо мне.

– Нет, – сказал он. – Это невозможно. Она останется здесь.

– Наш хозяин уже выплатил полную сумму, – сказал старик. – К тому же нам пришлось отказать другим уважаемым людям, потратиться на подготовку свадьбы и на дорогу сюда. Мы подписали договор. Кто возместит нам все это?

– Вы подписывали договор не со мной, – холодно сказал Эрнан.

– Мы подписывали его с королем Таррена, а сейчас король вы. Так что мы считаем себя вправе требовать исполнения договоренностей.

– Хаддин не был королем.

– Договор скреплен королевской печатью, принц Хаддин был единственным законным наследником, так что я не вижу противоречий. К тому же он был ее братом, – сказал старик. – Следовательно, он имел полное право заключать этот договор.

– Да, все верно, заключать договор он имел право, – Эрнану стоило усилий сохранять спокойствие. – И, тем не менее он подписал договор с вами, как брат девушки. Не от лица государства, а как частное лицо. Теперь девушка перешла ко мне как военный трофей. Договор ее брата ко мне отношения не имеет.

– Мы привыкли получать свое. Особенно то, за что уже заплатили.

«Заплатили». Это было так дико. Словно я рабыня, словно меня можно взять и продать...

Хаддин продал меня.

– Луцилия, ты можешь идти, – сказал Эрнан. – Думаю, наши гости уже удовлетворили свое любопытство.

– Нет, подожди, – вмешался косоглазый. – У меня есть к принцессе еще вопрос. Подойди сюда, дорогая.

Я сделала было шаг, но Эрнан поймал меня за руку, покачал головой. «Стой тут» – он не сказал это, но я прекрасно видела в его взгляде.

– Хорошо, – косоглазый хмыкнул. – Я всего лишь хотел узнать, как чувствует себя принцесса? Не болит ли чего? Не кружится ли голова? Не тошнит? Давно ли были лунные дни?

Давно ли были?

Я так растерялась, что не могла ничего сказать. Я все правильно расслышала?

Что это значит? Зачем спрашивать такое?

– Принцесса чувствует себя хорошо, – сказал Эрнан. – Прошло еще слишком мало времени.

И только потом я поняла, о чем они...

И тут же поняла, что краснею.

Да как он может?!

– Что вы хотите сказать? Что я... Нет!

– Его величество настаивает, что ты можешь быть беременна, – сказал косоглазый. – И, поскольку, этот ребенок, как он утверждает, его, то передача тебя нашему господину пока невозможна.

Беременна?

Я чего-то не понимаю? Это же никак не могло произойти без моего... ведома?

– Луцилия... – тихо выдохнул Эрнан, скрипнул зубами.

Та-ак...

Я смотрела на него, на косоглазого, и не могла понять – они оба издеваются надо мной или только кто-то один?

Косоглазый следил за мной с интересом.

– Я мог бы осмотреть принцессу и сказать точно уже сегодня, – предложил он.

– Нет, – жестко ответил Эрнан.

– Нет! – Меня передернуло. – Этого не может быть! Я не беременна!

Эрнан злобно сверкнул глазами, я видела, что ему так и хочется меня придушить, но он сдерживался.

– Почему ты так уверена? – ласково улыбнулся косоглазый.

– Потому, что она ненавидит меня, я убил ее брата, – вмешался Эрнан. – И лучше умереть, чем родить от меня ребенка.

– Этого не может быть... – тихо сказала я.

Эрнан схватил меня за руку, потянул в сторону.

– Хватит, иди к себе, – велел он. – Помолчи, и не делай глупостей.

– Нет...

Решается моя судьба. Я ведь имею право знать?

Но спорить слишком явно боялась. Кто знает, на что он способен.

Уходя, я еще успела заметить, как, довольно улыбаясь, косоглазый наклонился к старику и что-то шепчет ему.

Весь вечер не находила себе места.

Я знала, конечно, что Эрнан не отдаст меня. Он скорее поссорится со всем Тааракаром, чем отдаст. Скорее устроит новую войну. Но все же.

Чего я боюсь больше? Остаться с ним? Всю жизнь быть рядом с человеком, которого я ненавижу, или... Я не смогу принять его, иначе никогда себе этого не прощу. Но остаться в стороне не выйдет.

Лучше сбежать и не видеть никогда.

Даже в Тааракар. Даже так.

Что ждало бы меня? Я стала бы рабыней? Меня продали.

Но ведь и здесь я бесправная пленница. Здесь ничуть не лучше.

Здесь я дома, но это только иллюзия. Все изменилось. Это больше не мой дом.

Краешек бумаги торчит из-под миски с орешками.

Как я не заметила раньше? Или это только сейчас принесли? Горничная заходила, спрашивала – не нужно ли чего. Это она подложила?

Я осторожно приподняла миску, достала листок. Руки дрогнули.

«Вы очаровательны, принцесса. Я помогу вам. Завтра на рассвете в саду, на скамейке с драконом».

Глава 7

Утренняя прохлада пробирала до дрожи. Или это только волнение?

Я пришла рано. Не к скамейке, подойти туда так и не решилась. Но я все равно вышла в сад, так, чтобы я могла видеть эту скамейку, а вот меня оттуда не было видно. Глупо, я понимаю. Но ведь даже не понятно, кто написал записку.

Кому и что надо от меня?

Нет, в то, что кто-то искренне хочет мне помочь – я не верила. Конечно, я наивная девочка, и Эрнан прав, но не до такой же степени.

Мне хотелось знать.

В саду мне ничего не угрожает, я закричу, и сбежится стража.

– Принцесса!

Он подошел незаметно, со спины.

Тот вчерашний старик из Тааракара. Вот уж кого меньше всего ожидала увидеть. Не такой яркий сегодня, в темно-синих одеждах без украшений.

– Рад, что вы пришли, принцесса, – он галантно поклонился. – Это я писал вам.

– Вы?!

Зачем? Разве я что-то решаю? Я даже рассказать ничего ценного не могу. Разве что, кроме...

– Простите, принцесса. Я вижу, как вы несчастны, как вы страдаете. Вы потеряли семью. Я понимаю, как вам тяжело находиться здесь, как тяжело видеть рядом с собой этого жуткого варвара с севера. Вы еще нежное дитя, вам так много пришлось пережить...

Его голос звучал так мягко и ласково, так сладко, словно мед... Не утонуть бы.

– Чего вы хотите? – спросила я.

– Я пришел всего лишь выразить вам свое сочувствие и соболезнование. Мой господин, несомненно, поймет, что вы не виноваты в этом некрасивом отказе. Ваш отец и ваш брат всегда соблюдали договоренности, поступали достойно. Этот вор и убийца на троне – беда всего Таррена. Но это не ваша вина. Мой господин мудр и великодушен. Ах, принцесса, – старик всплеснул руками, – как мне жаль, что вы не сможете встретиться с ним. Мой господин давно мечтает о вас, с тех самых пор, когда увидел впервые, на свадьбе вашего брата. Он выстроил для вас целый дворец! Он готов был окружить вас нежностью и заботой, так, что вы бы даже думать забыли о всех этих ужасах!

– Такое невозможно забыть, – сказала я.

– О, простите, принцесса! – старик снова поклонился. – Простите меня за столь бестактные слова. Несомненно, забыть невозможно. Смерть близких – всегда тяжелая рана на сердце, может затянуться, но исчезнуть – никогда, эта боль не уходит. О, принцесса! Но вы могли бы немного отвлечься. Хоть немного! Вы так молоды и прекрасны! Вы достойны лучшей жизни. Мой господин, конечно, не король, но он один из самых влиятельных людей Тааракара! Вы бы ни в чем не нуждались, у вас было бы все самое лучшее, что может предложить юг!

Я понимала, к чему он клонит, и мне это не нравилось.

Он хочет, чтобы я уехала с ним. Но это невозможно. Мое решение вообще ничего не значит. Даже если бы я хотела...

Как я могу этого хотеть?

Уехать в чужую далекую страну? Я даже совсем не знаю этого Орса.

Я помнила, как вчера старик смотрел на меня, буквально раздевая глазами, словно на рабыню. Что изменилось теперь? Его планы? Он говорил так сладко, но искренности я не видела ни капли. К чему это?

Он же не сможет схватить меня прямо здесь, в саду, и утащить с собой?

– Благодарна вам за сочувствие, но здесь я всего лишь пленница. И не смогу поехать с вами, это зависит не от меня.

– О, я понимаю, принцесса! Но для меня важно уже одно только ваше желание. Я передам своему господину, что, будь ваша воля, вы бы с радостью приехали к нему и стали его женой. В вашей честности я не сомневаюсь! Мой господин скорбит о такой потере, и он не отступит от своей мечты снова встретиться с вами.

Не отступит, понимала я. Такие люди привыкли получать свое.

Эрнан может выгнать послов силой, но на этом они остановятся. Тааракар могущественен, и пусть этот Орс не входит в число правителей, но имеет большое влияние, даже я слышала о нем... вернее, о Фиро Орсе. Но меня ведь собираются выдать не за того ужасного толстого старика? За его сына? Джанкаро Орса, насколько я понимаю. Кажется, он был здесь, на свадьбе Хаддина, они с отцом много говорили о делах.

Я попыталась вспомнить, но ничего не выходило. Тогда я не придавала значения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bakulina_ekaterina/nevesta-chernogo-vorona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)